ТРИЖДЫ ГЕРОЙ КОТЛЯРЕВСКИЙ

ВЫКУП СУВЕРЕНИТЕТА: ПЛАН МАРШАЛЛА

ИСТОРИК

Журнал об актуальном прошлом

№ 6 (90) Июнь 2022

12+ WWW.ИСТОРИК.РФ

ISSN 2411-1139 22006

9 772411 113785

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Необыкновенный человек на троне

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИСТОРИК

ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ПОДАРИТЬ ПОДПИСКУ НА НАШ ЖУРНАЛ НА ВЕСЬ 2022 ГОД РЕГИОНАЛЬНЫМ ДОМАМ-ИНТЕРНАТАМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ ЛЮДЕЙ И ИНВАЛИДОВ:

САРАНСКИЙ ПАНСИОНАТ ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА
430013, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Победы, д. 4

БРАТСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
665717, Иркутская обл., г. Братск, ул. Курчатова, д. 6

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ № 2
649450, Республика Алтай, Усть-Канский р-н, с. Усть-Кан, ул. Ленинская, д. 16

СЕРДОБСКИЙ ДОМ ВЕТЕРАНОВ ТРУДА
442894, Пензенская обл., Сердобский р-н, г. Сердобск, ул. Ленина, д. 293

ТУРИЧИНСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
182523, Псковская обл., Невельский р-н, д. Туричино, ул. Нефтяников, д. 1

ВЯЗЕМСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
215119, Смоленская обл., Вяземский р-н, г. Вязьма, ул. Ленина, д. 75

ОДОЕВСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
301440, Тульская обл., Одоевский р-н, пгт Одоев, ул. Карла Маркса, д. 69

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ «ЗАБОТА»
350047, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Бабушкина, д. 38

РЖЕВСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
172390, Тверская обл., г. Ржев, ул. Никиты Головни, д. 31

ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ «НОВГОРОДСКИЙ ДОМ ВЕТЕРАНОВ»
173011, Новгородская обл., г. Великий Новгород, ул. Береговая, д. 48

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ КРАСНООКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА Г. ВОЛГОГРАДА
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Восточная, д. 1

ТУТАЕВСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА
152303, Ярославская обл., Тутаевский р-н, г. Тутаев, ул. Советская, д. 8

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ «ЗАБОТА»
362019, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. Пушкинская, д. 7

НЯНДОМСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ
164232, Архангельская обл., Няндомский р-н, г. Няндома, мкр-н Каргополь-2, ул. Спортивная, д. 14

ВЫ ТОЖЕ МОЖЕТЕ ПОДАРИТЬ НАШ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ, СЕЛЬСКИМ БИБЛИОТЕКАМ, ПРОСТО ОДИНОКИМ ЛЮДЯМ – ВСЕМ, ДЛЯ КОГО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ПОДПИСКА НА «ИСТОРИК» БУДЕТ ПРИЯТНЫМ ПОДАРКОМ.

Оформить благотворительную подписку на любой период и с любого месяца можно онлайн на странице журнала в электронном каталоге «Почты России» (https://podpiska.pochta.ru/press/П0967) либо в отделении почтовой связи.

ПОДПИСАТЬСЯ САМИМ НА ЛЮБОЙ ПЕРИОД И С ЛЮБОГО МЕСЯЦА (МИНИМАЛЬНЫЙ СРОК ПОДПИСКИ – 1 МЕСЯЦ):

- **по электронному каталогу «Почты России» podpiska.pochta.ru (в любом почтовом отделении через сотрудника почты или дома самостоятельно). Подписной индекс – П0967**
- **по электронному каталогу «Пресса по подписке» агентства «Книга-Сервис» на сайте akc.ru/itm/istorik/ или на сайте https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e45045/**
- **по электронному каталогу подписного агентства «Урал-Пресс» на сайте ural-press.ru/catalog/**
- **корпоративная подписка по Москве (доставка в офис курьером) по электронному каталогу «Пресса по подписке» агентства «Книга-Сервис» на сайте akc.ru/itm/istorik/**
- **подписка на электронную версию журнала на сайте историк.рф**

Владимир РУДАКОВ,
главный редактор журнала «Историк»

«На троне вечный был работник»

Триста пятьдесят лет назад родился Петр Первый. Как написал в свое время один из первых русских историков и публицистов князь Михаил Щербатов, слава Петра «яко некоторая великая река, которая что более удаляется от своего начала, то пространнее становится».

Не будет преувеличением сказать, что он был одним из демиургов российской государственности. Без него наша страна не то чтобы не состоялась (такая оценка была бы несправедлива по отношению к самобытной допетровской Руси), однако была бы совершенно иной, чем та, которую мы – сегодняшние – знаем и любим. Если бы вообще сохранилась на карте в привычном для нас виде. Русский философ Георгий Федотов писал о «гении Петра и нечеловеческом труде его, со всей семьей орлов XVIII века создавших из царства Московского державу Российскую». На мой взгляд, именно в этом главная заслуга Петра перед Отечеством.

Служение Отечеству было делом всей жизни императора, заложившего основу представлений о том, что в действительности является любовью к Родине, подлинным патриотизмом. Петр не просто три шкуры драл с подданных, требуя от них возможного и порой невозможного, – он подавал им личный пример служения. Собственно, на этом и строится его высокая репутация в российском обществе и государстве, которую не удалось поколебать даже в годы советской власти, крайне негативно относившейся к царям и царизму как таковому.

До сих пор есть те, кто упрекает Петра в уничтожении «старой Руси» и слепом низкопоклонстве перед Западом. Однако это не так. Выдающийся русский историк XIX века Михаил Погодин очень точно описал стоявшую перед императором дилемму: «Говорят: Петр Великий, введя европейскую цивилизацию, поразил русскую национальность… Но – спрошу я обвинителей – *возможно ли было России уклониться от европейской цивилизации, хотя б она имела для нас много неприличных, даже вредных свойств?*» Судя по всему, нет. Федор Михайлович Достоевский, который, в отличие от Погодина, отнюдь не являлся апологетом петровских деяний, тем не менее констатировал: «Велик был тот момент русской жизни, когда великая, *вполне русская воля* Петра решилась разорвать оковы, слишком туго сдавившие наше развитие».

Конечно, его преобразования поражают и своим размахом, и своим результатом. Петру удалось осуществить гигантский рывок в развитии страны. Темпы изменений всех без исключения сторон жизни были беспрецедентно высоки: за четверть века Россия проделала путь, на который при обычном течении времени ушли бы столетия. Но в связи с этим часто говорят и о том чрезмерном перенапряжении сил, которое реформы вызвали, о той цене, которую пришлось заплатить обществу за их реализацию. Была ли альтернатива? Вот в чем вопрос.

Тот же Щербатов в конце XVIII века предпринял попытку посчитать, «во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каком она ныне есть в рассуждении просвещения и славы». Историк пришел к выводу, что «надлежало многим векам протечи, нежели бы Россия могла отвергнуть свои предубеждения, получить надлежащее в военных делах устройство, просветиться науками и установить торговлю». Самое раннее, когда это могло случиться, по мнению точного в своих гипотетических расчетах князя, – это 1892 год, да и то при условии, что в течение «сего великого времени не было [бы] никакого помешательства, ни внутреннего, ни внешнего». Но оставили бы Россию в покое на столь длительный срок ее более амбициозные соседи? Удержалась бы она, двигаясь в своем развитии прежней неторопливой поступью, живя «по старине», в своих прежних границах?

Между тем история показывает, что бывают эпохи, когда без титанических усилий всех – и верхов, и низов, общества в целом – невозможно решать стоящие перед страной задачи. Так было и в период Смуты начала XVII века, и в Петровскую эпоху, и во время войны с Наполеоном, и в годы Великой Отечественной войны. То же самое можно сказать и про наше время. В этом смысле философ Иван Ильин прав был, когда писал: «Вся история России есть победа русского духовного характера над трудностями, опасностями и врагами. Так было. Так и еще будет впредь».

Петровское время было именно таким: от того, сможет ли Россия сделать гигантский шаг вперед и стать вровень с ведущими мировыми державами той эпохи, в буквальном смысле слова зависела ее будущность. Альтернативой были одряхление государства, внутренняя слабость и, как следствие, полная беззащитность перед лицом вызовов, связанных с развернувшейся тогда борьбой за доминирование в Восточной Европе. Петр этот вызов принял. ■

Содержание

4 **НОВОСТИ О ПРОШЛОМ**

ТЕМА НОМЕРА

6 **РОЖДЕНИЕ ПЕТРА**
Для фигур такого масштаба само по себе появление на свет не более чем дата в метрике. Петр Великий стал тем, кем он стал, не столько по праву рождения, сколько в силу своих уникальных качеств и определенного стечения обстоятельств

Александр САМАРИН

12 **БРЕМЯ РЕФОРМАТОРА**

Была ли у первого российского императора концепция реформ и как следует оценивать сделанное им? Об этом «Историку» рассказал главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доктор исторических наук **Дмитрий РЕДИН**

20 **МЕЧТА О МОРЕ**
Откуда у монарха сухопутной державы, который только на двадцать втором году жизни впервые увидел море, возникла страсть к мореплаванию?

Игорь АНДРЕЕВ

26 **НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК**
Обожатели Петра и его ненавистники сходились в одном – такого государя не было прежде ни на Руси, ни в других странах

Иван ИЗМАЙЛОВ

30 **ПЕТР ПЕРВЫЙ: ЗА И ПРОТИВ**
Ставить точку в спорах о Петре еще рано, считает председатель редакционного совета альманаха «Тетради по консерватизму», доктор философских наук **Леонид ПОЛЯКОВ**

36 **ЦАРЬ И ГЕТМАН**
В ходе Северной войны Петр I столкнулся не только со шведской армией, но и с изменой бывшего друга – гетмана Украины Ивана Мазепы. Имя последнего стало нарицательным, а сам он – образчиком предательства и клятвопреступления

Вадим ЭРЛИХМАН

42 **«ПОЧТИТЕЛЬНО И С ЛЮБОВЬЮ»**
О том, как Государственный Эрмитаж намерен отметить юбилей Петра, в чем уникальность первого российского императора, а также о своем отношении к нему «Историку» рассказал директор Эрмитажа, академик РАН **Михаил ПИОТРОВСКИЙ**

МЕСЯЦ В ИСТОРИИ

48 **СОБЫТИЯ ИЮНЯ**

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

52 **РАЗДЕЛЕНИЕ МЕКСИКИ**
200 лет назад США признали независимость южного соседа, но вскоре под лозунгом «распространения демократии» отобрали у него половину территории

Вадим ЭРЛИХМАН

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

56 **«О КОТЛЯРЕВСКИЙ, БИЧ КАВКАЗА...»**
Полководец, которого признавали наследником Александра Суворова, встал в армейский строй подростком, не знал поражений, получил 40 ран в сражениях за Отечество

Евгений ТРОСТИН

РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ

60 **«СВОЙ НЕСТЕРОВСКИЙ ВЗОР»**
Художник Михаил Нестеров успел стать и членом Императорской академии художеств, и лауреатом Сталинской премии. Всю жизнь он пытался осмыслить исторический путь России – победный и трагический

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

66 **ПОГЛОЩЕНИЕ ЕВРОПЫ**
Какие цели преследовали США, продвигая знаменитый «план Маршалла», и как им в итоге удалось поставить под свой контроль весь Старый Свет? Об этом в интервью «Историку» размышляет директор ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН
Федор ВОЙТОЛОВСКИЙ

КНИЖНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

74 **КРАХ СИСТЕМЫ**
В своих мемуарах ушедший из жизни в конце апреля этого года генерал советской внешней разведки Николай Леонов дал развернутую оценку причин распада СССР

Валерий ФЕДОРОВ

NOTA BENE!

76 **ЧТО ПОЧИТАТЬ И ЧТО УВИДЕТЬ В ИЮНЕ**

ВЗГЛЯД

80 **«ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ПОБЕДИТЕЛЕМ»**
Для каждого русского моряка Петр I – это прежде всего отец русского флота, а значит, в известном смысле – и каждого из нас

Игорь КАСАТОНОВ

ИСТОРИК

ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
АНО «СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК»

Главный редактор
Владимир Рудаков

Главный художник
Наталья Ветрова

Заместитель главного редактора
Арсений Замостьянов

Научный редактор
д. и. н. Александр Самарин

Обозреватели
д. и. н. Олег Назаров, Никита Брусиловский, Варвара Рудакова

Литературные редакторы
Ольга Куликова, Любовь Семенова

Редактор
к. и. н. Вадим Эрлихман

Выпускающий редактор
Евгения Леонтьева

Фоторедактор
Вероника Петрова

Помощник главного редактора
Варвара Денисова

Руководитель учебного центра журнала «Историк»
Варвара Забелина

Над номером работали
Игорь Андреев, Иван Измайлов, Игорь Касатонов, Раиса Костомарова, Наталья Львова, Алексей Михайлов, Евгений Тростин, Валерий Федоров

Журнал отпечатан в типографии
АО «Полиграфический комплекс «Пушкинская площадь»
(г. Москва, ул. Шоссейная, д. 4Д)

Тираж 25 000 экз.

Цена свободная

Адрес редакции
107045, Россия, г. Москва, Большой Головин пер., д. 20, стр. 1

Телефон редакции
8 (495) 966-09-04

e-mail: info@istorik.info

Сайт
www.историк.рф

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68900 от 28 февраля 2017 года

Редакция не рецензирует рукописи и не вступает в переписку

На обложке:
портрет Петра I. Худ. И.Н. Никитин. 1720-е годы
(© Государственный Русский музей / Fine Art Images)

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ» И ПРИ УЧАСТИИ ФОНДА «ИСЭПИ»

Новости о прошлом

Подготовила **Варвара РУДАКОВА**

ПРЕСС-СЛУЖБА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Скифские нашивки

В древнем склепе под Симферополем обнаружили уникальные золотые украшения

Огромная удача для науки: курган знатной скифской семьи IV века до н. э. оказался нетронутым. Притом что большинство обнаруженных скифских погребений давно разграблены – либо в древности, либо уже в Новое время. В коллективном захоронении в разное время нашли последнее пристанище шестеро представителей скифской знати.

Археологам посчастливилось обнаружить золотые нашивки – часть погребальной одежды – рядом с останками двух человек, а также золотые серьги. На нашивках изображены шагающие грифоны и луноликие личины. Подобные украшения уже находили в склепах на территории Южной и Левобережной Украины и Восточного Крыма. Исследованный курган представляет собой сооружение из каменных блоков, выложенных в один и два ряда в форме окружности диаметром 50 метров и высотой 2,5 метра. В центре кургана находился каменный склеп, перекрытый бревнами и досками, поверх которых лежали каменные плиты. С южной стороны имелся вход, заложенный после погребения камнями, к которому вел длинный коридор-дромос.

Редкое ремесло

При раскопках в Троице-Сергиевой лавре найдена матрица

В 40 метрах к северу от Троицкого собора в культурных слоях XV–XVI веков обнаружена металлическая матрица для тиснения клейм на монашеском облачении – кожаном поясе или парамане (наспинном плате со шнурами на углах). Матрица размером 25 × 20 × 4 мм изготовлена из цветного металла, на ее лицевой стороне нанесена зеркальная трехстрочная надпись в рамке, которая переводится как «Сретение Христово». Ранее подобные матрицы встречались нечасто: два костяных штампа – в Минске и Новгороде, а бронзовая древнерусская матрица – в Гродеке (Польша). Исследователи предполагают, что технологией тиснения на коже владел лишь узкий круг ремесленников, работавших при монастырях. Они же создавали книжные переплеты. До находки в Троице-Сергиевой лавре считалось, что на Руси существовало только два центра изготовления матриц: в XI–XIII веках – в одном из киевских монастырей, а с XIV столетия – в Новгороде. Раскопки этого года показали, что круг мог быть шире. В погребениях монахов археологам удавалось найти кожаные пояса и параманы с тиснеными клеймами с названиями праздников, крестами и розетками. Среди самых известных – пояс и параман из захоронения супруги великого князя Симеона Ивановича Гордого Марии, скончавшейся инокиней в 1399 году. Сходство оттиска на ее парамане и найденной матрицы позволяет предположить, что они делались в одной мастерской. Вероятно, изготавливать матрицы могли мастера из Москвы или Троице-Сергиевой лавры.

ПРЕСС-СЛУЖБА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

РИА НОВОСТИ

«Международное оборзение»

В Риге решили снести памятник Освободителям Латвии

Рижская дума большинством голосов (38 против 7) проголосовала за снос монумента, вокруг которого развернулась масштабная кампания, ставшая частью русофобской политики, проводимой в отношении памятников советским воинам-освободителям в странах Балтии. Латвийские власти делали все, чтобы помешать возложению цветов к мемориалу в День Победы. Уже на следующее утро власти города распорядились убрать принесенные цветы при помощи трактора. Однако к вечеру того же дня у памятника воинам-освободителям вновь появился ковер из цветов и зажженные свечи. В ответ на это сейм Латвии в одностороннем порядке прекратил действие статьи 13 межправительственного соглашения с Российской Федерацией, согласно которому прибалтийская республика была обязана охранять мемориалы и места массовых захоронений советских воинов на своей территории. Таким образом, власти Риги получили правовое основание для сноса памятника. Несмотря на протесты местной общественности, его могут демонтировать по ускоренной процедуре в течение одного-двух месяцев. Торжественная закладка монумента произошла 8 мая 1975 года, в канун 30-летия Победы. К строительству приступили в декабре 1982-го, 5 ноября 1985-го состоялось открытие. Композиционным центром мемориала является 79-метровая колонна, увенчанная золотыми пятиконечными звездами, по бокам которой расположены символические скульптурные изображения Матери-Родины и воинов-освободителей. Впервые о необходимости сноса местные националисты заговорили еще в середине 1990-х. Министр иностранных дел России Сергей Лавров прокомментировал решение латвийских властей, назвав его частью «международного оборзения» стран Запада. «То, что они творят с памятниками и другими вопросами, которые прямо регулируются имеющимися действующими межправительственными соглашениями, не поддается какому-то разумному объяснению, кроме русофобии, абсолютного забвения всех своих обязательств», – подчеркнул глава МИД РФ.

ТЕСТ ОТ «ИСТОРИКА»

Внимательно ли вы читали июньский номер? Попробуйте ответить на эти вопросы до и после прочтения журнала

1. Где возникла потешная флотилия Петра I?

1. В Измайлове.
2. На Кубенском озере.
3. На Плещеевом озере.
4. В Архангельске.

2. Что стало причиной внезапного возвращения Петра I в Москву из Великого посольства?

1. Начало Северной войны.
2. Восстание стрельцов.
3. Пожар в Москве.
4. Наступление турок на Азов.

3. Кто стал вторым кавалером ордена Андрея Первозванного?

1. Александр Меншиков.
2. Гавриил Головкин.
3. Борис Шереметев.
4. Иван Мазепа.

4. Территория этого американского штата не была завоевана у Мексики.

1. Калифорния.
2. Аризона.
3. Джорджия.
4. Невада.

5. Этот художник был другом генерала Петра Котляревского.

1. Иван Айвазовский.
2. Карл Брюллов.
3. Александр Иванов.
4. Джордж Доу.

6. Какие страны блокировали в 2008 году вступление в НАТО Украины и Грузии?

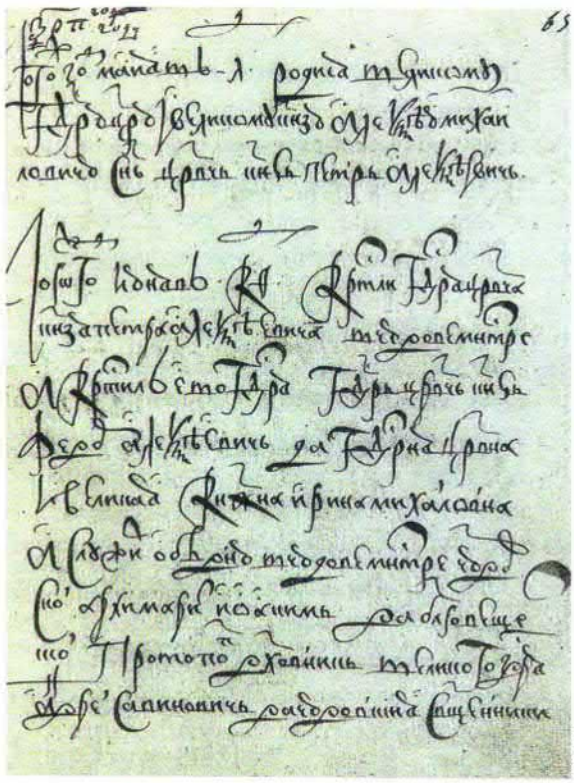
1. Турция и Франция.
2. Турция и Венгрия.
3. Франция и Венгрия.
4. Франция и Германия.

Правильные ответы см. на с. 79

Рождение Петра

Для фигур такого масштаба само по себе появление на свет не более чем дата в метрике. Петр Великий стал тем, кем он стал, не столько по праву рождения, сколько в силу своих уникальных качеств и определенного стечения обстоятельств

Текст: **Александр САМАРИН**, доктор исторических наук



©РГАДА

Запись о рождении царевича Петра Алексеевича в разрядной книге, составленной для стольника Г.Н. Собакина. 1672 год

Уже младшие современники Петра всячески мифологизировали рождение будущего «Отца Отечества». Новгородский дворянин и смотритель строительных работ в Кронштадте в годы царствования преобразователя Петр Крёкшин стал создателем «Сказания о рождении, о воспитании и наречении на Всероссийский царский престол государя Петра Первого». Это одно из самых популярных произведений рукописной книжности XVIII века, дошедшее до нас во многих сотнях списков, а с конца столетия и неоднократно тиражировавшееся с помощью печатного станка. В нем излагалась легенда, согласно которой знаменитый церковный деятель и писатель Симеон Полоцкий, «знавший звездное течение», то есть бывший астрологом, в ночь зачатия Петра наблюдал необычное небесное явление.

Появление на свет

«...И тогда явися звезда пресветлая близ Марса», – сообщал Крёкшин. Симеон Полоцкий поспешил обрадовать царя Алексея Михайловича и якобы поведал государю: его сыну, зачатому в ночь на 12 августа 1671 года, предстоит родиться 30 мая 1672-го и «быти на престоле». По версии Крёкшина, астролог предсказал: «И в те его лета подобных ему в монархах не будет; и вящими он похвалами имать быти ублажен; и славу к славе стяжати имать; и победоносец чудный имать быти; падут мнозии от лица его; соседы враждующие смирит; и толикие светлые победы содеет, елико никто от предков ваших, благочестивых государей, [не] мог содеять; и страх его будет на многих; и страны дальние, яко близ сущие, посетит; но свои ему много в благополучиях помешательства учинят; многие мятежи и нестроения прекратит; многие здания на море и на суше в лета его будут созданы; истребит злых, трудолюбивых же возлюбит; насадит благочестие, идеже не бысть, и покой тамо приимет; и на многие преславные деяния содеет».

Конечно, вся история с Симеоном Полоцким и его предсказанием не более чем выдумка. Но здесь важно другое: люди, пережившие бурный период петровских преобразований, были убеждены, что появление на свет будущего императора стало событием судьбоносным, что высшие силы отметили рождение необыкновенного человека. Впрочем, в реальности 30 мая 1672 года об этом мало кто догадывался, если догадывался вообще.

Очередной сын царя Алексея Михайловича – в его новом браке с Натальей Кирилловной (урожденной Нарышкиной) – появился на свет ночью. Утром по радостному поводу состоялся торжественный молебен в Успенском соборе Московского Кремля, который отслужил новгородский митрополит Питирим. На молебне присутствовали бояре, окольничие, думные дворяне, стольники, стряпчие, московские дворяне, полковники стрелецких и солдатских полков, видные представители купечества. Все они поздравляли царя с рождением сына. Позднее в тот же день Алексей Михайлович угощал чинов своего двора водкой и фряжскими винами,

Лента времени

30 мая 1672 года
Рождение будущего императора.

29 января 1676 года
Смерть царя Алексея Михайловича, отца Петра.

27 апреля 1682 года
Избрание Петра на престол после смерти старшего брата, царя Федора Алексеевича.

15 мая 1682 года
Стрелецкое восстание, установление двоецарствия Ивана и Петра (позднее при регентстве царевны Софьи Алексеевны).

27 января 1689 года
Венчание Петра с Евдокией Федоровной Лопухиной.

Сентябрь 1689 года
Свержение царевны Софьи.

1693–1694 годы
Две поездки Петра в Архангельск, встреча с морем.

1695–1696 годы
Азовские походы, начало строительства флота в Воронеже.

29 января 1696 года
Смерть царя Ивана Алексеевича, окончание двоецарствия.

1697–1698 годы
Великое посольство в Западную Европу.

которые заедались яблоками и грушами в патоке...

Дотошный биограф первого российского императора академик Михаил Богословский писал: «Устроить обычный "родильный" стол на другой день после рождения Петра, в пятницу 31 мая, было невозможно: для него требовались обширные приготовления, а между тем в субботу 1 июня нельзя было давать парадного пира накануне праздника, поскольку в воскресенье, 2 июня, наступало уже заговенье перед Петровским постом. Поэтому в этот день при дворе ограничились малым обедом в царицыной Золотой палате». Так что появление на свет царевича хоть и было само по себе событием торжественным и значимым (и для царской семьи, и, как оказалось потом, для страны в целом), но отметили его достаточно скромно.

©РГАДА

Царь Петр с братом Иваном во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 года.
Гравюра второй половины XIX века

Рождение царя

Для того чтобы занять выдающееся место в истории России, Петру было недостаточно просто родиться. Ему надо было получить трон. А такой вариант развития событий отнюдь не представлялся очевидным. От первого брака с Марией Ильиничной (Милославской) Алексей Михайлович имел тринадцать детей – восемь дочерей и пятеро сыновей. К моменту смерти «тишайшего» царя в живых оставались два царевича от этого брака – 14-летний Федор и 9-летний Иван – и еще шесть царевен.

По праву старшинства царем в январе 1676 года стал Федор Алексеевич. Несмотря на слабое здоровье, юный государь при поддержке своего ближайшего окружения стремился проводить преобразования, призванные придать больший динамизм развитию Московского царства. Одной из самых масштабных и значимых его реформ была отмена местничества – складывавшейся веками системы продвижения по службе, которая давно уже стала неэффективной.

В июле 1680 года царь Федор женился на Агафье Семеновне Грушецкой. В следующем году у него родился сын, которого нарекли Ильей. Казалось, вопрос о продолжении династии решен и путь к власти для младших братьев Федора закрыт. Но судьба распорядилась иначе: молодая царица умерла вскоре после родов, а несколько дней спустя скончался и новорожденный наследник трона. Да и сам 20-летний Федор к этому времени был уже нездоров.

Поспешный второй брак тяжелобольного царя не привел к появлению наследников. Федор умер 27 апреля 1682 года, через два месяца после венчания. И тут же встал вопрос о выборе его преемника, хотя права следующего по старшинству царевича Ивана на первый взгляд были неоспоримыми. Сложные политические расклады на тот момент оказались куда сильнее сложившихся правил. По свидетельству нидерландского резидента Иоганна Келлера, бояре еще при жизни Федора решили, что в случае его кончины «наследование троном перейдет» к царевичу «от второго брака». Современник событий князь Борис Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях» писал о том же: «Бо́льшая часть как из бояр, и из знатных, и других площадных, также и патриарх явились склон-

ны избрать [на престол] меньшого царевича». Формальным аргументом для такого решения было слабое здоровье Ивана. Реальной причиной, по всей видимости, стало неприятие патриархом Иоакимом и большинством бояр реформ, проводившихся в царствование Федора.

В итоге присяга новому царю Петру Алексеевичу началась «того ж часу» по смерти Федора. Так состоялось рождение Петра как государя всея Руси. Но власть предстояло еще удержать. Милославские, родственники первой жены царя Алексея Михайловича, возглавляемые энергичной царевной Софьей, быстро взяли реванш с помощью московских стрелецких полков. 15 мая стрельцы ворвались в Кремль и добились провозглашения царем также Ивана, а позднее и регентства Софьи при ее младших братьях. Сложилась уникальная для российской политической практики конструкция двоецарствия – старший царь Иван, младший царь Петр, а при них еще и регентша Софья. Причем казалось, что Петр занимает в ней самое последнее место. Но... время работало на юного царя.

В майские дни 1682 года Петр получил страшную психологическую травму. На его глазах стрельцы растерзали воспитателя матери боярина Артамона Матвеева и нескольких представителей рода Нарышкиных. Долгих семь лет ребенок, затем подросток жил в тяжелой атмосфере. Он и его близкие не могли не опасаться за свою жизнь. Наконец состоялась развязка. В августе 1689 года Петр, напуганный слухом о готовящемся на него покушении, ускакал из села Преображенского в Троице-Сергиев монастырь. Именно туда стали стекаться его сторонники. В первую очередь это были представители старомосковской знати, поддержавшие его еще в 1682 году. Оказался в обители Сергия и патриарх Иоаким, выступивший тогда инициатором избрания Петра на царство. Практически единодушная поддержка младшего царя верхушкой московского общества способствовала его новой политической победе. Царевна Софья была отправлена в монастырь. Иван Алексеевич продолжал выполнять ритуальные обязанности самодержца до самой своей смерти в январе 1696 года, но сомнений в том, кто является истинным правителем России, с осени 1689-го ни у кого уже не было.

Рождение реформатора

Получив полноту власти, Петр в первые годы мало ей пользовался. Он продолжал свои военные и морские забавы: много времени проводил с потешными полками, вскоре превратившимися в реальную военную силу, и всецело отдавался своему новому увлечению – страсти к морю и кораблям.

Тяга к преобразованиям возникла не сразу, и вызревала она под воздействием нескольких факторов. Немалую роль сыграло знакомство, а затем и сближение царя с иностранцами, жившими в России. Специалисты из-за границы проникли в страну при первых Романовых, служили в армии, занимались торговлей и различными промыслами. Немецкая слобода в Москве стала миниатюрной Европой в самом сердце России. Петр был частым гостем в слободе, приобщался там с помощью своих старших товарищей полковника Франца Лефорта и генерала Патрика Гордона к европейским обычаям, знакомился с техническими новинками.

Важным фактором, несомненно, была природная любознательность Петра, его потребность все делать своими руками, многим казавшаяся неуместной для монаршей особы. Царь-плотник, кораблестроитель, токарь, артиллерист, шкипер, лекарь, архитектор... Таким запомнился он современникам и потомкам. Желание перестраивать, преобразовывать, пересоздавать окружающий мир вещей, идей, отношений владело им с юности и до конца его дней.

Интерес к европейским технологиям естественным образом подогревался неуемной активностью молодого царя. Две его поездки в 1693–1694 годах в Архангельск, единственный морской порт России того времени, повлияли на многое. Встреча с морем,

Самодержавная власть, не гнушавшаяся самых жестких мер принуждения, стала основой для быстрого и неотвратимого внедрения преобразований в русское общество

LEGION-MEDIA

Утро стрелецкой казни. Худ. В.И. Суриков. 1881 год

Лента времени

1698 год
Новый стрелецкий бунт, возвращение Петра из-за границы, казни стрельцов.

1 января 1700 года
Введение нового летоисчисления – от Рождества Христова.

Август 1700 года
Начало Северной войны.

19 ноября 1700 года
Поражение русских войск в битве со шведами под Нарвой.

16 мая 1703 года
Основание Санкт-Петербурга.

27 июня 1709 года
Победа в Полтавской битве.

30 августа 1721 года
Заключение Ништадтского мира, победа в Северной войне.

22 октября 1721 года
Провозглашение России империей, а Петра – императором, получение им титулов «Великий» и «Отец Отечества».

28 января 1725 года
Смерть Петра.

увиденные воочию большие корабли голландских и английских купцов произвели на него огромное впечатление. Он заболел морем. А Азовские походы 1695–1696 годов, его первый успешный опыт в военной сфере, вместе с тем показали необходимость модернизации армии по образцу передовых держав той эпохи.

И еще один важный толчок к преобразованиям – это, конечно, Великое посольство 1697–1698 годов. Это был первый опыт длительного зарубежного турне для правителя России. Посещение под именем десятника Петра Михайлова Голландии, Англии, германских княжеств, столицы габсбургских владений Вены, знакомство с заводами, мануфактурами, верфями, библиотеками, кунсткамерами, учебными заведениями... «Повсюду он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступали его необыкновенной памяти. Многие поражались особой ловкости его в работе, которой он превосходил иногда даже более опытных в деле людей», – отмечал один из голландских свидетелей событий.

В ходе Великого посольства начал вырисовываться и новый вектор внешнеполитических устремлений Петра. Вместо борьбы с турками за выход к Черному морю (а именно для сколачивания антиосманской коалиции и затевалось Великое посольство) царь, поняв, что Европа не готова воевать с Османской империей, переориентировался на север. Балтика стала основным объектом его интересов, а могущественное Шведское королевство – главным геополитическим противником на долгие годы.

Внезапный финал Великого посольства, когда Петру пришлось спешно возвращаться в Россию из-за нового восстания стрельцов, также был, по мнению многих исследователей, толчком к старту масштабных реформ. Стрелецкое выступление лета 1698 года было подавлено с невероятной жестокостью. В реакции молодого царя на него отразилось многое: и выход детских страхов, приобретенных в 1682-м, и желание избавиться от московской старины, воплощением которой казались стрелецкие полки.

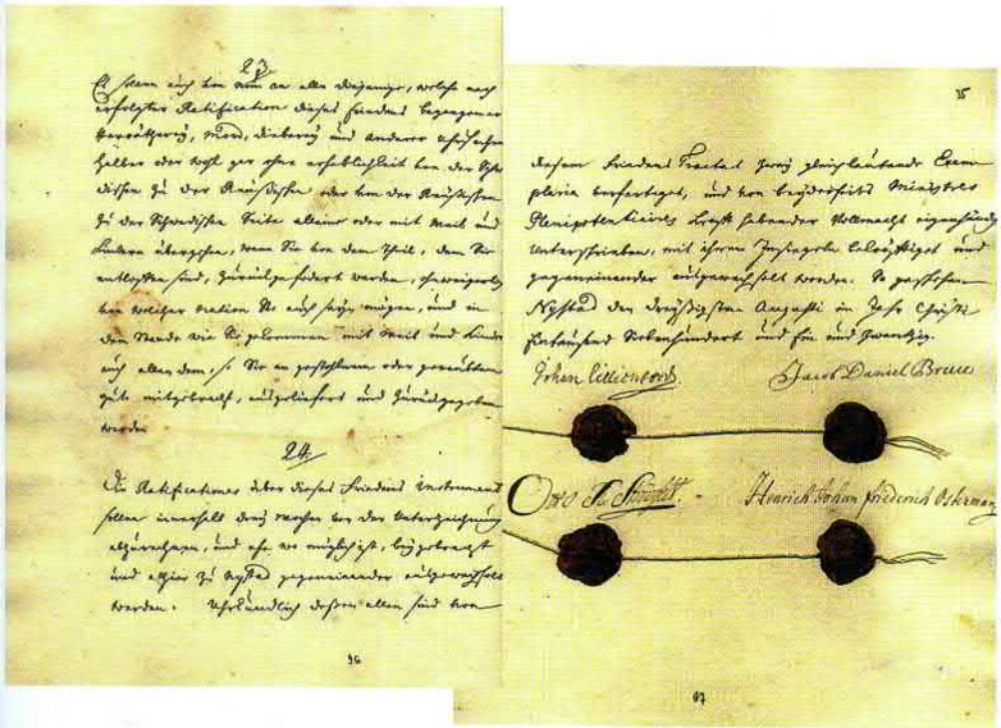
Реформы Петра стартовали на рубеже столетий. Символично, что этот рубеж был отмечен переходом на новую систему летоисчисления: установленное царем празднование Нового года 1 января (а не 1 сентября, как было ранее) совпало с заменой 7208 года от Сотворения мира на 1700-й от Рождества Христова.

Рождение императора

Главным делом жизни Петра на долгие годы стала Северная война. Нужды военного противостояния с сильнейшей в Европе того времени армией, возглавляемой талантливым, активным и агрессивным полководцем Карлом XII, заставляли менять многое в жизни страны, одни преобразования тянули за собой другие. В ходе Северной войны произошло рождение Петра как выдающегося военачальника, стратега. От горького поражения под Нарвой в 1700 году был долгий путь до триумфа Полтавской баталии и блистательных морских побед при Гангуте и Гренгаме.

Однако для побед над мощным врагом потребовалось напряжение всех сил страны. Надо было создавать регулярную армию, строить флот, отливать пушки. Это было невозможно без открытия заводов и верфей, основания школ, введения рекрутского набора и принципиально новой системы налогообложения, изменения организации местного и центрального управления, строительства Санкт-Петербурга...

Важной чертой петровских перемен было заимствование технологий, знаний, умений, практических навыков в самых разных сферах. При этом он не подвергал сомнению самодержавный характер своей власти. Именно авторитарная власть, не гнушавшаяся самых жестких мер принуждения, стала основой для быстрого и неотвратимого внедрения преобразований



©РГАДА

Ништадтский договор между Россией и Швецией о вечном мире (на немецком языке). 30 августа 1721 года

в русское общество. Петр был жесток и беспощаден не только к врагам своих начинаний (достаточно вспомнить, что он не пожалел даже собственного сына и наследника царевича Алексея), но и к рядовым исполнителям царской воли. Споры о методах проведения преобразований и цене, заплаченной за петровские реформы, станут, пожалуй, вечной темой отечественной общественной мысли.

Однако, как бы то ни было, Северная война стала победоносной для России. «Трехвременная школа» – так назвал войну сам Петр. «Все ученики, – писал он послу в Париже князю Василию Долгорукову, – науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время [то есть 21 год. – *«Историк»*] была. Однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно». Победа над шведами ознаменовала рождение Российской империи. Осенью 1721 года члены Сената и Синода, воодушевленные Ништадтским миром, обратились к царю с просьбой принять титулы «Отца Отечества, Петра Великого и императора Всероссийского». Ближайший сподвижник реформатора канцлер Гавриил Головкин во время торжеств, проходивших 22 октября, обращаясь к Петру, утверждал: «...токмо едиными вашими неусыпными трудами и руководжением мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены».

Рождение мифа

Так появился героический миф о Петре как преобразователе России, прочно укрепившийся с тех пор в сознании многих поколений россиян. Вскоре после кончины первого императора, в марте 1725 года, архиепископ Феофан Прокопович в «Слове на погребение Петра Великого» емко и образно охарактеризовал итоги его деяний: «Не весьма же, россияне, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его... при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимою, любима и будет; сделал врагам страшною, страшная и будет; сделал на весь мир славною, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам».

Да и как было не укрепиться такому образу Петра, если сами его деяния были столь многогранны, что отразились на всех сторонах жизни страны. Выдающийся историк Михаил Погодин писал 180 лет назад: «Что теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, далее или ближе, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок». Ученый долго перечислял нововведения и улучшения первого императора: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия – суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения».

И хотя со времен Погодина многое изменилось до неузнаваемости, в сущности, мы по-прежнему живем в стране, которая развивается согласно проекту, задуманному Петром. Поэтому и сегодня, вслед за Феофаном Прокоповичем, мы можем уверенно сказать, что «дух Петра Великого», необыкновенного человека, родившегося три с половиной столетия назад и волею Провидения оказавшегося на троне, жив в благодарной России.

Анисимов Е.В.
Время петровских реформ.
Л., 1989

Павленко Н.И.
Петр Великий.
М., 1990

Бремя реформатора

Была ли у первого российского императора концепция реформ и как следует оценивать сделанное им? Об этом «Историку» рассказал главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доктор исторических наук *Дмитрий РЕДИН*

Беседовала **Раиса КОСТОМАРОВА**

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ДМИТРИЕМ РЕДИНЫМ

Выдающийся русский историк Василий Ключевский в свое время говорил, что Петр I, реформируя Россию, «просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами». То есть действовал интуитивно, отталкиваясь от требований момента. Но так ли это было на самом деле?

Интуиция или концепция?

– Имелась ли у Петра Великого продуманная концепция реформ?

– Все, что сегодня известно о нем, все те документы и материалы, которые я изучал, свидетельствуют о том, что сиюминутность, ситуативность в его поступках и решениях действительно присутствовали очень долго. Концептуальное видение реформ начало формироваться у него постепенно, году примерно в 1715-м, а целостный взгляд на то, каким должно быть государство, сложился только в конце царствования – после 1720-го.

– В чем проявлялось его концептуальное видение проблем реформирования страны?

– Для того чтобы понять это, необходимо обратиться к текстам тех законодательных актов, регламентов и уставов, которые Петр I создавал, включая комплекс всякого рода инструкций местным органам власти. Я в свое время предложил рассматривать все эти документы как единый петровский мегатекст – этакий большой трактат, который можно назвать «Российское имперское государство». Если говорить коротко, в основе концепции Петра лежали идеи камерализма.

– В историографии сложилось представление, что все реформы Петра, особенно последних лет, – это попытка перенести на русскую почву шведский опыт и нормы государственного права…

– Одна из лучших работ, посвященных этому, – монография шведского историка Класа Петерсона, вышедшая еще в 1970-е годы. Там автор очень четко показал, какие шведские институты и каким образом Петр адаптировал к российской действительности. Это так, конечно. Но нельзя забывать, что первый российский император был знаком с законодательством по государственному праву и государственному строительству практически всех стран и поэтому много сам работал над текстами издаваемых регламентов. Например, текст «Табели о рангах» имеет шесть петровских редакций, а «Регламента Главного магистрата» – четыре редакции. Видно, как человек оттачивал фразы, как он старался донести свои мысли до людей.

Однако Петр был не только практик. Он к концу жизни очень много и очень интенсивно работал с теоретической литературой. Если изучить состав его библиотеки, которая сейчас хранится в Библиотеке Российской академии наук, то там немало трудов по праву, политическим наукам и, конечно, по истории. То есть Петр отнюдь не был таким технарем, каким обычно его представляют. Он живо интересовался концепциями управления, отношениями власти и подданных. Сам не писал об этом – для этого у него были специальные люди типа Феофана Прокоповича. Но мы знаем, что он, к примеру, лично редактировал «Историю Свейской войны» – первый опыт осмысления текущей, недавней истории.

– Была ли у него стратегия действий или же он решал преимущественно тактические задачи?

– Бóльшую часть своего правления Петр на самом деле действовал по ситуации, то есть как умелый тактик, однако можно говорить о том, что в последние годы он выработал собственную концепцию государства, которую

Петр I. Худ. В.А. Серов. 1907 год

упорно пытался претворить в практику. К чести реформатора надо сказать, что он прекрасно понимал, насколько это практическое внедрение будет трудным. Я вспоминаю его цитату из «Регламента Главного магистрата» (это первая редакция, в итоговый документ фраза не вошла): «Такое новое дело невозможно везде вдруг или все в один раз учредить, ибо одна конфузия одной следовать будет». Это сказано по поводу новой системы городского управления, но, видимо, эта мысль посещала Петра, когда он раздумывал и над реализацией других своих замыслов.

Его реформаторская доктрина была создана как бы на вырост. Плохая это была концепция или хорошая – другой вопрос. Мы разменяли почти уже четверть XXI века и знаем, как ложные доктрины и ложные концепции могут вести в никуда человечество, нацию, народ и т. д. Но при этом, когда они есть, они консолидируют, они задают перспективу. И я считаю, что если есть какие-то плюсы в этом петровском теоретизировании последних лет, то именно в том, что вокруг его идей и концепций сплотилась политическая элита страны и в общем-то эти вещи определили перспективу развития вплоть до «дней Александровых прекрасного начала», то есть до начала XIX века. А если мы говорим о «длинном» XVIII столетии, то, конечно, и александровская эпоха туда входит. Истоки же мы видим в интеллектуальной деятельности Петра последних лет его царствования.

Регулярное государство

– Вы говорили про идеи камерализма. Как Петр I их понимал, как он преломлял их в отношении России?

– В основе его камералистских воззрений лежат специализация, то есть четкое разделение компетенций и полномочий, профессионализация и одновременно унификация управления плюс коллегиальность (коллегиальное принятие решений). Это то, что в Европе называли «правильно организованным государством», а в русской традиции – «регулярным государством». Эти термины очень широко использовались и в Петровскую эпоху.

Лучше всего суть регулярного государства отразил образ – он тоже хорошо известен – правильно работающего, идеально отлаженного часового механизма. Эту метафору приписывают Готфриду Вильгельму Лейбницу: якобы он привел ее в одном из писем Петру I. Метафора очень точная, ведь каждая шестеренка в часах выполняет свою работу, но, сцепляясь с другими, повинуясь пружинам, передавая энергию через валы, каждая клеточка административного организма работает на общее благо.

– Петру этот образ, видимо, очень понравился.

– Конечно, тем более что Петр имел серьезный военный опыт. Регулярная армия (а шведская, с которой он

столкнулся, была одной из лучших армий Европы того времени) и есть готовый образец часового механизма в действии. Только в социальном обличии. Думаю, что именно армия стала для Петра школой будущего государственного строительства. Ведь армия – это не только вопросы комплектования войск, но и сложнейшие вопросы снабжения, а значит, логистики, а значит, экономики, причем в самом широком смысле, включая финансовые отношения. Потому что войны XVIII века – это уже войны экономик. А еще армия – это и административные, и судебные проблемы, ведь ей нужны уставы, необходимо отдельное судопроизводство, специфические виды уголовного права и т. д.

Офицер представлял собой образец идеального винтика правильно организованного государства: он знает устав, действует в рамках определенных правил, но при этом обладает необходимым управленческим опытом и более или менее достаточной образовательной подготовкой. Отчасти поэтому (хотя и не только, а еще из-за острой нехватки кадров) армия для Петра всегда была резервом для административных экспериментов. Он черпал оттуда кадры – из отставных, а иногда и не отставных офицеров. Так что к идее регулярного государства он пришел в том числе через это вот военное строительство.

Была ли альтернатива?

– Как вы считаете, что повлияло на убежденность Петра в необходимости преобразований? Что лежало в основе, что его подтолкнуло к этому?

– Корни, на мой взгляд, следует искать в детских годах будущего императора. Его личность формировалась в специфической среде. Я имею в виду не столько Немецкую слободу, куда он частенько наведывался уже юношей, сколько более ранний период. Ведь его матушка царица Наталья Кирилловна происходила из очень своеобразного кружка московских западников того времени. Она питомица Артамона Матвеева, тесно связанная с семейством Гамильтонов – служилых русских шотландцев. Да и сам Петр рос в атмосфере дворца царя Алексея Михайловича, где пусть в умеренном виде, пусть в польско-латинском варианте, но западничество все-таки не было новинкой. Здесь и первый придворный театр, и первая придворная газета «Куранты», и эксперименты с одеждой, хотя и пресекаемые царем Алексеем Михайловичем, но затем поощряемые царем Федором, старшим братом и предшественником Петра.

LEGION-MEDIA

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)

Потом были первые опыты в обучении. Дядька Петра и его первый учитель Никита Зотов (кстати, будущий князь-папа Всешутейшего собора) показывал воспитаннику гравюры с изображением западных городов. Он не успел его толком ничему научить, поэтому Петр всю жизнь писал безграмотно, да и почерк у него был ужасный, но, видимо, какие-то общие интенции, интерес к западной культуре сформировались у него именно тогда.

Ну а дальше он попал в руки «кукуйцев» – жителей и завсегдатаев Немецкой слободы, и теперь уже вокруг него сложился кружок. С одной стороны, это иноземцы на русской службе, его любимцы Франц Лефорт и Патрик Гордон, а с другой – люди, вышедшие из западнических русских кругов второй половины XVII века.

Конечно, все это могло бы остаться на уровне моды, увлечения, но постепенно Петр начал убеждаться в том, что западное – это не просто интересное, но еще и лучшее. Окончательно, мне думается, его убеждение в этом сформировалось тоже в ходе Северной войны. Он воочию увидел, что западные армии, особенно такие передовые, как шведская, вооружены и организованы лучше, чем русская. Петр стал внедрять новшества в армию, а военная ре-

LEGION-MEDIA

В Немецкой слободе. Отъезд царя Петра I из дома Лефорта. Худ. А.Н. Бенуа. 1909 год

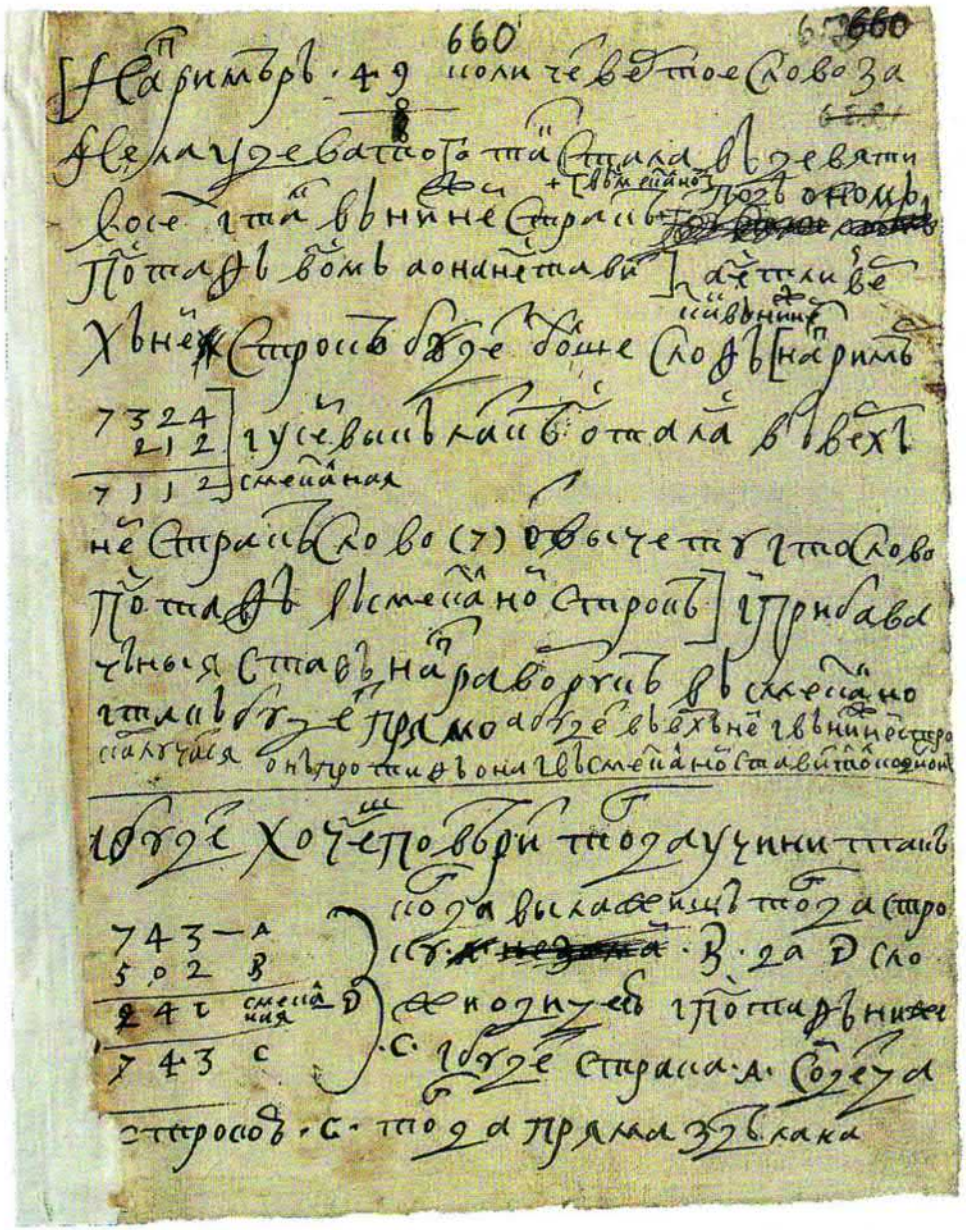
форма и сама война запустили маховик всех остальных реформ. Война Нового времени – это, как я уже говорил, война финансов, экономик, технологий. Поэтому Северная война стимулировала развитие финансовой сферы, диктовала необходимость создания новой системы налогообложения, организации производства, влияла на оживление торговли, расширение логистики и т. д.

– А была ли альтернатива петровским преобразованиям в лице таких фигур, как его брат Федор Алексеевич или сестра Софья с ее фаворитом князем Василием Голицыным, которые также ориентировались на партию западников?

– Я не сторонник того, что называется «альтернативной историей». Хотя среди моих коллег есть люди, которые считают, что, проживи царь Федор подольше, Россия неизбежно стала бы европейской страной, но с меньшими издержками, без петровских эксцессов, без затратных военных авантюр. Что тут сказать? Историк Александр Каменский в свое время попытался смоделировать такой путь развития – Россия без петровских реформ. Итог оказался неутешительным: Россию в лучшем случае ожидала бы участь Османской империи, ставшей к концу XVIII века архаичным государством, «больным человеком Европы».

Безусловно, любой исторический процесс, любая жизнь – человека, коллектива, нации, страны – всегда имеют развилки и альтернативы. Но когда эта развилка пройдена, рассуждать о том, что могло бы быть, мне кажется, бессмысленно. Задача историков, я считаю, заключается не в том, чтобы моделировать, что «было бы, если». Нам надо понять, почему был выбран тот или иной путь, сделан именно этот выбор.

Реформы, разумеется, шли и до Петра. В России, на мой взгляд, невозможно было обойтись без реформ западного, модернизационного характера. Хотя бы в силу того, что к концу XVII века она была уже достаточно глубоко интегрирована в европейскую геополитику, а отвечать правилам игры можно было, только овладев методами этой игры. В этом отношении и предшественники Петра, и он сам двигались в одном и том же направлении. Но Петр был радикальнее, он был по характеру, может быть, более взбалмошный, вспыльчивый, неустойчивый психологически. Есть здесь и другой аспект: обстоятельства сложились таким образом, что времени размышлять, какими способами – мягкими или не мягкими – действовать, уже не было. Потому что для России XVIII век начался с Нарвской катастрофы, и это запустило механизм военных преобразований. Главной задачей Петра стало создание новых вооруженных сил. Чтобы победить.



©РГАДА

Отрывок из учебных тетрадей по арифметике Петра I. 1688–1689 годы

Петр и его команда

– Конечно, личность Петра многое определяла, но можно ли утверждать, что он был главным или даже единственным двигателем реформ?

– Когда мы говорим о петровских реформах, то, как правило, исходим из того, что их проводил в первую очередь сам государь, а помогала ему группа его конфидентов – весьма своеобразных, чаще всего вороватых исполнителей штучных его поручений. На самом деле это все-таки была команда – группа единомышленников, в чьих действиях постоянно чувствовался кураж. Иногда они мне напоминают команду из наших 1990-х,

когда вокруг того или иного бизнеса собиралась дружеская молодежь и с азартом, соблюдая или не очень соблюдая законность, делала какое-то общее дело. Потом эти люди набирались опыта, богатели, этот посыл ослабевал, они начинали ссориться, иногда убивать друг друга – и все рассыпáлось. Вокруг Петра была такая же команда, и в этом смысле он и его двор уникальны...

– В какой мере петровские преобразования находили поддержку в политической элите? За ним охотно шли или ему приходилось каждый раз продавливать то или иное решение, ломая через колено политический класс?

– Начать, наверное, надо с того, был ли вообще подобный политический класс при Петре. По крайней мере мы знаем, что традиционные элитарные группы, которые формировались в XVII веке, к этому времени в значительной степени были подорваны. Дореволюционные историки любили писать о так называемой боярской партии, именовать Долгоруковых или Голицыных лидерами этих кругов, но, когда мы начинаем рассматривать по отдельности представителей даже этих родов, мы видим, что боярская партия – это отнюдь не монолит, потому что даже среди Долгоруковых и Голицыных мы находим массу совершенно новаторски, уже по-петровски настроенных людей, его ближайших сподвижников. При Петре шло очень динамичное переформатирование этого самого политического класса. И, может быть, еще и поэтому какого-то сопротивления с его стороны петровским преобразованиям не было.

Думаю, что в целом консенсус между властью и политическим классом все-таки существовал. Иначе такого рода масштабных реформ Петру просто не удалось бы провести – тем более что они проходили, еще раз напомню, на фоне очень тяжелой войны и в условиях первой в России тотальной ресурсной мобилизации.

Любая крупная реформа, к сожалению, требует жертв. Точно так же и любое геополитическое изменение требует жертв. Это печально, но мы видим, что рано или поздно такие вопросы решаются большими издержками и кровью

– А насколько гибкой, если можно такой термин приложить к Петру, была его политика преобразований? Она сколько-нибудь учитывала отношение общества к реформам или это была просто царская воля, которая во что бы то ни стало должна была воплотиться?

– Воля – безусловно. Но, опять-таки, как человек своеобразно, но хорошо образованный Петр никогда не исключал возможности убеждения. Даже его ранние указы, относящиеся к 1700–1710 годам, – те, которые были адресованы широким массам или носили принципиальный характер, типа Указа о единонаследии, – всегда содержали преамбулы, где он буквально на пальцах, каким-то очень простым бытовым языком пытался объяснить людям, зачем он все это делает.

– Взять хотя бы Указ о престолонаследии: там о новом порядке наследования трона буквально три строки, а перед ними – большая преамбула с экскурсом в историю...

LEGION-MEDIA

Сражение под Нарвой 19 ноября 1700 года. Худ. А.Е. Коцебу. 1846 год

– Именно так. А ведь этот указ породил еще публицистического двойника – это знаменитая «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. Она тоже решала задачу теоретико-публицистического обоснования того, почему монарх может так поступать, определять своего преемника. В этом отношении Петр, с одной стороны, несомненно, деспот, выращенный в традициях самодержавия и абсолютно убежденный, что он наместник Бога на земле. Но при этом он человек прагматичный и здравомыслящий. Он верил в то, что можно все объяснить, донести до каждого, и эта вера у него сохранялась до конца его дней. Я вспоминаю цитату из его записных книжек – он там фиксировал для себя всякие важные мысли. Это запись уже зрелого Петра, 1718 или 1719 года: «Кабы такой краткий регул сочинить, чтоб мужикам по церквам читать можно было!» То есть вот бы какую-то сжатую объяснительную записочку создать, чтобы даже мужикам растолковать, зачем он все это делает!

Палки и подпорки

– Но все-таки Петр не всегда разъяснял, иногда просто повелевал…

– Конечно. И русское чиновничество того времени, по меткому определению историка Дмитрия Серова, буквально оцепенело от нововведений, оно не успевало за этой вариативностью, ситуативностью петровских изменений. И я считаю, что вся его административная машина, которую он создавал, вообще бы не могла существовать, если бы не экстраординарные, чрезвычайные органы управления, которые при реформаторе получили очень широкое распространение. Это тоже такой удивительный феномен Петровской эпохи. Его административная конструкция всегда нуждалась в подпорках, в каких-то палках и в понукании.

Вспомним институт понудителей. Обычно его связывают с проведением первой подушной переписи 1719 года, однако я относительно недавно, в прошлом году, обнаружил следы первых понудителей еще в 1711-м.

– Кто такой понудитель?

– Это сержант или рядовой – обычно гвардии – или какой-то личный порученец царя невысокого статуса, но с широкими полномочиями, который приезжал в губернию и начинал понуждать, капать на мозги, что называется, губернскому руководству, требуя, чтобы оно погасило недоимки по разнообразным налогам, чтобы исправило отчетность или представило недостающие сведения. В 1711 году эти эмиссары, видимо, еще понуждали словесно, а к 1719-му у них уже появились полномочия сажать на цепь всех, включая губернатора, до тех пор, пока они не исполнят требуемое.

Петр одновременно с большими административными реформами начал проводить реформу налогообложения: пытался ввести подушную подать, а для этого нужна была перепись населения. Так возникли всяческие временные органы управления, связанные с переписью и налоговой реформой, – переписные канцелярии, потом канцелярии по сбору подушных денег. Появились экстраординарные органы управления, которые, с одной стороны, мешали нормальной работе камералистски задуманных учреждений, а с другой – именно благодаря им власть все-таки достигла результата, то есть собираемости средств в казну.

Впрочем, надо сказать, что эта модель административного хаоса привела к тому, что ближайшие сподвижники Петра с огромной радостью всего за полтора года после его смерти серьезно редуцировали эту сложную управленческую машину, просто вычеркнув целые пласты учреждений как ненужные, избыточные и вредные.

Цена и ценность реформ

– Можно ли говорить о том, что после смерти Петра большинство его нововведений были свернуты или это все-таки неправильно?

– Нет, это правильно. Просто я не стал бы употреблять модный когда-то

Петербург начала XVIII века. Худ. Е.Е. Лансере. 1906 год

В России невозможно было обойтись без реформ западного, модернизационного характера. Хотя бы в силу того, что к концу XVII века она была уже достаточно глубоко интегрирована в европейскую геополитику

термин «контрреформа». Контрреформа как возвращение к какой-то пройденной точке невозможна. Убрали заведомо ненужное и избыточное. Вполне здравым, как я считаю, было и некоторое ослабление налогового гнета: обнулили недоимки, вынуждены были простить долги и т. д. Это я не могу назвать контрреформой – скорее это коррекция избыточного, привнесенного петровскими преобразованиями.

– Не могу не задать популярный вопрос о цене реформ. Были ли оправданны, на ваш взгляд, принесенные жертвы, потраченные ресурсы? Соответствовала ли цена реформ масштабу и пользе сделанного?

– Я скажу страшную вещь, с которой многие, наверное, не согласятся. А где цена реформ была низкой? Я таких примеров не знаю. Может быть, это промышленная революция в Англии, которая была проведена буквально на костях крестьянства, – вся эта система огораживания и совершенно людоедское уголовное право, просуществовавшее до середины XIX века, когда за ущерб в шиллинг человека ждала веревка? Не думаю. В этом смысле любая крупная реформа, к сожалению, требует жертв. Точно так же и любое геополитическое изменение требует жертв. Это печально, но мы видим, что рано или поздно такие вопросы решаются большими издержками и кровью.

Насколько затраченные усилия и жертвы были на пользу России? Я убежден, что положительного все-таки было больше. И дело даже не в очевидных вещах, таких как расширение границ, вхождение в число великих держав, стимулирование производства, создание сильной армии и флота.

Рубль серебром. 1723 год

LEGION-MEDIA

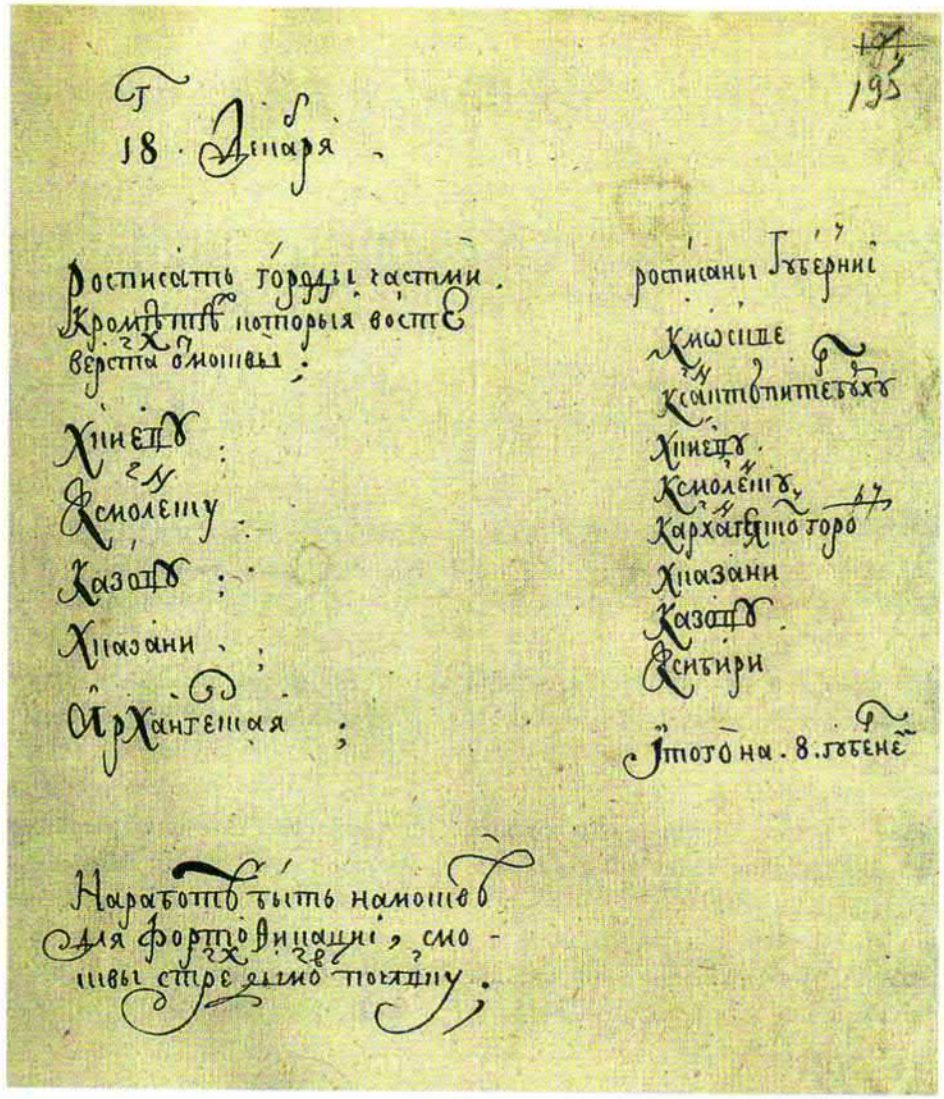
Были вещи, которые, на мой взгляд, менее оценены, но не менее важны с точки зрения перспектив развития. Например, система образования, которой абсолютно не было прежде в России. В общем-то именно Петровская эпоха дала старт тому фантастическому по результатам и стремительности расцвету русской литературы, науки, искусства в целом. То есть и XIX век со всеми его достижениями, и XX век с нашими успехами вплоть до покорения космоса – это было бы невозможно без тех скромных навигацких, морских и инженерных школ, которые открывал Петр. Даже за одно это, наверное, можно было бы воздать ему должное.

Нас любят пугать цифрами, восходящими к Павлу Милюкову, что при Петре исчезло 20% населения, но забывают о том, что ошибка Милюкова была раскрыта последующими поколениями историков. Он считал убыль населения преимущественно по уездам Европейской России. Не говоря уже о недостатках тогдашних переписей, особенно подворной переписи 1710 года, где не были учтены внутренние миграции населения, бегство в восточные районы страны и т. д. Между тем в динамике XVIII века Россия показала очень хороший демографический прирост. В стране, которая понесла гигантские потери, скорее всего, не было бы таких результатов. Причем я имею в виду не многодетность семей, потому что сама по себе многодетность ни о чем не говорит (это видно по странам Африки, где огромное количество детей в семьях, но зачастую они умирают, не дожив до трех лет). Речь идет о приросте населения.

Это говорит о том, что жертвы были понесены все-таки не зря. А уж насколько действия царя были нравственны или безнравственны, нужно судить не по сегодняшним, а по тогдашним меркам.

– Что такое Петр I для российской истории, для развития страны? Почему мы до сих пор о нем спорим?

– Я всегда был противником оценки Петра с позиции pro et contra. Помните, такая книга вышла – очень толстая? Там была половина высказываний, восхваляющих его, а половина – порицающих. Я считаю, что мы можем и второй том набрать такой же, и третий, и пятый и при этом не приблизимся к истине, потому что Петр – фигура очень сложная, рожденная своей эпохой. Как это ненаучно ни прозвучит, но все-таки, наверное, каждой эпохе соответствуют какие-то свои типы героев, святых, работников и т. д.



Запись в Ближней канцелярии указа Петра I об учреждении губерний и о расписании к ним городов. 18 декабря 1708 года

©РГАДА

Каменский А.Б.
От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М., 2001

Анисимов Е.В.
Петр Первый: благо или зло для России? М., 2017

В сухом остатке получается, что петровские реформы, конечно, были нужны, потому что сама геополитическая ситуация и географическое положение России, ее включенность в модерновый техногенный тренд развития не оставляли ей выбора – либо ты умеешь играть по этим правилам и претендуешь на какое-то место в мире, либо выпадаешь из игры со всеми вытекающими последствиями. Петр и его единомышленники – или по крайней мере те, кто исполнял его волю, – приняли этот вызов и достойно на него ответили. ■

Мечта о море

Откуда у монарха сухопутной державы, который только на двадцать втором году жизни впервые увидел море, возникла страсть к мореплаванию?

Текст: **Игорь АНДРЕЕВ**, кандидат исторических наук

Страстность и увлеченность Петра I – черты наследственные. Царь Алексей Михайлович с той же жадностью вглядывался в стремительный полет соколов и кречетов, с какой Петр несколько десятилетий спустя будет рассматривать корабельные чертежи. В этом они оба, отец и сын, удивительно похожи друг на друга. Однако на этом сходство заканчивается. Дальше идут различия. Петр придал своим увлечениям государственный характер, совместил «удовольствие» с «пользой». Из его потешных выросла гвардия, из ботика – флот, из собрания «уродцев» – первый музей. От увлечения Алексея Михайловича осталось иное – восторженные упоминания современников о размахе царской охоты и книга «Урядник сокольничего пути».

Обоюдное созидание

Это тоже немало, но, понятно, не идет ни в какое сравнение с содеянным Петром. Алексей Михайлович, увлекаясь, развлекался. Петр – созидал.

Это было обоюдное созидание. Увлечения Петра не только изменили Россию. Они оказали огромное влияние на формирование личности самого реформатора. Увлечения расширили его кругозор и обогатили знаниями. Они дали ему опытность, которая позволяла, не упуская главного, видеть мелочи. Этого рукастого, знающего в совершенстве дюжину ремесел государя трудно было обвести вокруг пальца, выдать дурное за хорошее. Увлечения и увлеченность не давали Петру закоснеть, остановиться в своем развитии.

Историки говорят о трех главных его увлечениях: военное дело, ремесла и море. С первым все понятно. Война – удел особ правящих, истинно царское занятие. Когда Петр был объявлен младшим царем, ему и специализацию подобрали – война и внешняя политика. Но откуда интерес к ремеслам? Интерес не наблюдателя – работника. Разумеется, физические упражнения были не чужды ни одному монарху. Но ведь в данном случае речь шла о тяжелом труде, который считался уделом низших. Между тем в Петре не было ни грамма аристократического презрения к подобным занятиям. Для него труд не забава, а потребность. И еще – предмет гордости. На заработанные на верфях во время Великого посольства деньги Петр купил башмаки, которые демонстрировал своим

Петровская флотилия на Переславском озере 25 августа 1692 года. Худ. Д.Н. Кардовский. 1927 год

подданным: «Вот, заработал молотом в поте лица». И потом, кажется, именно в этих латаных башмаках возлагал на голову Екатерины имперскую корону стоимостью в несколько тысяч рублей.

Еще более таинственно происхождение любви первого российского императора к морю и кораблям. Всем известна исходная точка этого неожиданного увлечения – знаменитая история с английским ботом. Будучи в селе Измайлово, Петр обнаружил на хозяйственном дворе лодку, заметно отличавшуюся от тех, что он видел раньше. Неугомонный подросток потребовал разъяснения. Среди жителей Немецкой слободы нашли корабельного мастера Франца Тиммермана. Тот осмотрел находку и коротко пояснил: это английский бот. Тут же последовал вопрос об отличии бота от обычных лодок.

Казалось бы, обыкновенный вопрос. Но в том-то и дело, что задать его мог только человек пытливый, которому необходимо докопаться до сути. Давно подмечено, что это неиссякаемое любопытство – неотъемлемая черта Петра. И эта черта – одна из причин его увлеченности, стремления все понять. По меткому наблюдению биографа Петра академика Михаила Богословского, он начал с плотника Тиммермана, а закончил перепиской с Готфридом Вильгельмом Лейбницем, величайшим мыслителем своего времени.

Тиммерман поведал, что этот бот может ходить даже против ветра, галсами. Петр загорелся – ему не терпелось опробовать находку. Судно спустили в Измайловский пруд, затем перетащили на Яузу. Но и там и там Петру было тесно – не развернуться. Кто-то вспомнил про огромное Плещеево озеро под Переславлем-Залесским. Бот был отвезен на озеро. Теперь не приходилось жаловаться на тесноту. Но зато Петру стало мало одного бота. Он уже бредил яхтами, галерами, фрегатами. К берегу озера потянулись работные люди и телеги с лесом и иными припасами для строительства задуманного потешного флота. И Петр с самого начала – среди мастеровых, в черной работе. Для него стук топоров и упругий хлопок вздувшегося паруса стали лучшей музыкой.

Сны о кораблях

Все это было проявлением симптомов непонятной для русских людей болезни под названием «любовь к морю». И даже не болезни – настоящей горячки, которая не проходит и не ослабевает с годами. Уже повзрослевшему, разменявшему четвертый десяток Петру будут сниться, как мальчишке, корабли: «сон видел: [корабль] в зеленых флагах, в Петербурге»; «сон видел, что... был я на галиоте, на котором мачты с парусы были не по препорции...» Зрелость, конечно, чувствуется в этих морских сновидениях царя. Выверенный взгляд корабела даже во сне покоробило отсутствие должных пропорций в галиоте. Но ведь все равно при этом сны его – о кораблях и море!

Для современников и потомков как было, так и остается тайной рождение этой всепоглощающей, неизбывной царской страсти, которая, кажется, была самой сильной из всех его привязанностей. И в самом деле, откуда у Петра появилась эта склонность? Как могло случиться, что этот царственный подросток, видевший морские суда только на картинках, которые ему показывал учитель Никита Зотов, начал донимать жителей Немецкой слободы расспросами об иноземных флотах, а затем вознамерился построить свой собственный? И не просто вознамерился – построит!

Конечно, нельзя сказать, что в поисках ответов на эти вопросы ничего не было сделано. Не одно поколение историков просеивало через исследовательское сито слова и поступки Петра. Однако надо признать, что исчерпывающие ответы так и не были даны. Да их и не может быть. Ведь мы имеем дело едва ли не с самым трудным и сокровенным – с историей становления личности. Эта тайна была известна одному лишь Петру, и с Петром же она, им недосказанная, навсегда скрылась от нас.

Но в конце концов важно не это. Страсть Петра к морю и флоту обернулась на благо России. Потешные суда Переславской флотилии превратились в линейные корабли, а само кораблестроение, воплощавшее в XVII–XVIII веках самые передовые достижения промышленности и научно-технической мысли, потянуло за собой развитие новых отраслей производства и образования. Маленький ботик оказался в основании огромного общенационального дела, и не случайно сам Петр, умевший ценить то малое, что становилось истоком великого, присвоил ему почетное звание «дедушки русского флота». Так что, когда ботик, за рулем которого сидел государь, а на веслах – адмиралы, в 1723 году под орудийные залпы обошел грозный строй Балтийской эскадры, почести эти были вполне заслуженны. С ботика в самом деле многое в нашей истории началось.

Петровское увлечение морем – это еще и преодоление. Косности. Ограниченности. Лености. Непонимания того, что стало жизненно необходимо стране, продуваемой ветрами Нового времени

«Намерение видеть море»

К 1693 году Петру стало тесно на Плещеевом озере. Был брошен взгляд на Кубенское озеро на Вологодчине, «но оное ради мелкости не показалось». Это признание самого Петра, которому теперь, строго говоря, не подошло бы никакое озеро. Причина очевидная: он перерос эпоху «Нептуновых потех». Теперь ему нужно было море, о чем он

LEGION-MEDIA

Флаг царя Московского, поднятый Петром I на яхте «Святой Петр» в 1693 году

и поведал: «Положил свое намерение прямо видеть море».

Взор царя устремился на Русский Север. А собственно, куда он мог еще устремиться на излете XVII века? Балтика была отсечена от Московского государства могущественной Швецией, Черное и Азовское моря – Турцией и Крымским ханством. Оставался Архангельск – с его не просто морем, а морем самым суровым из всех близлежащих морей, с арктическими ветрами и минимальными шансами на выживание в ледяной воде при кораблекрушении. Парадоксально, но в этом, видимо, была своя правда: Север, этот безжалостный экзаменатор, своей суровостью сразу мог проверить Петра на прочность.

Задуманная поездка в Архангельск более всего страшила царицу Наталью Кирилловну. Петру пришлось идти на уловки, чтобы получить материнское благословение. Ради успокоения царицы он пообещал не ходить в открытое море, заранее зная, что слово нарушит, ведь это, собственно, и было его главной целью. Ему и впрямь не терпелось: по приезде в Архангельск, узнав об отплытии иностранных судов, Петр отложил все дела ради того, чтобы выйти вместе с этим торговым караваном в море. Слабый ветер не благоприятствовал царскому намерению. Пришлось почти двое суток томиться в устье Двины, пока наконец ранним утром 6 августа 1693 года южный ветер шелоник не расправил паруса и суда не покинули Двинскую губу. 12-пушечная яхта «Святой Петр» с царем на борту провожала караван 300 верст, до устья реки Поной. Мечта Петра сбылась: он увидел море!

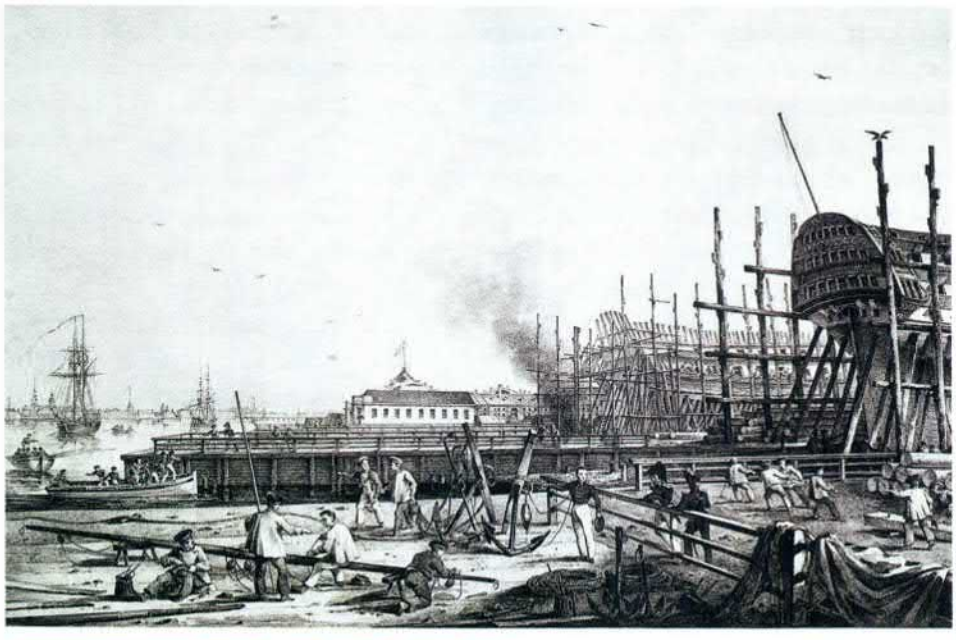
Царь не скрыл своего ликования от матери, которая ответила упреком: «Писал ты, радость моя, ко мне, что был на море; и ты, свет мой, обещался мне, что было не ходить». Петр обычно находил для Натальи Кирилловны слова успокоения. Но на этот раз не нашелся, повинился, рассчитывая – и не ошибся! – на всепрощающую материнскую приязнь: «Радость моя! По письму твоему, ей-ей, зело опечалился, потому тебе печаль, а мне какая радость. Пожалуй, сделай меня, беднова, без печали тем: сама не печалься, а истинно не заживусь».

«Не заживусь» – это о настоятельной просьбе Натальи Кирилловны поскорее приехать домой. Но и здесь – море перевесило. Петр застрял в Архангельске в ожидании появления к Успенской ярмарке «андурских» (гамбургских) кораблей. О чем и отписал матери. Та в ответ: «Чего тебе, радость моя, тех дожидаться?»

Наталья Кирилловна так до конца и не могла понять и принять «нецарское» увлечение сына. Это было не просто материнское ослепление любовью. Взаимную привязанность разделяло время: «недостойный Petros» (так он иногда уничижительно подписывал свои письма матери) был человеком уже другой эпохи.

Обетный крест

В свою первую поездку в Архангельск государь поднял на «Святом Петре» бело-сине-красный трехполосный флаг с золотым двуглавым орлом в центре. Так появился флаг царя Московского, ставший прообразом национального флага России.



LEGION-MEDIA

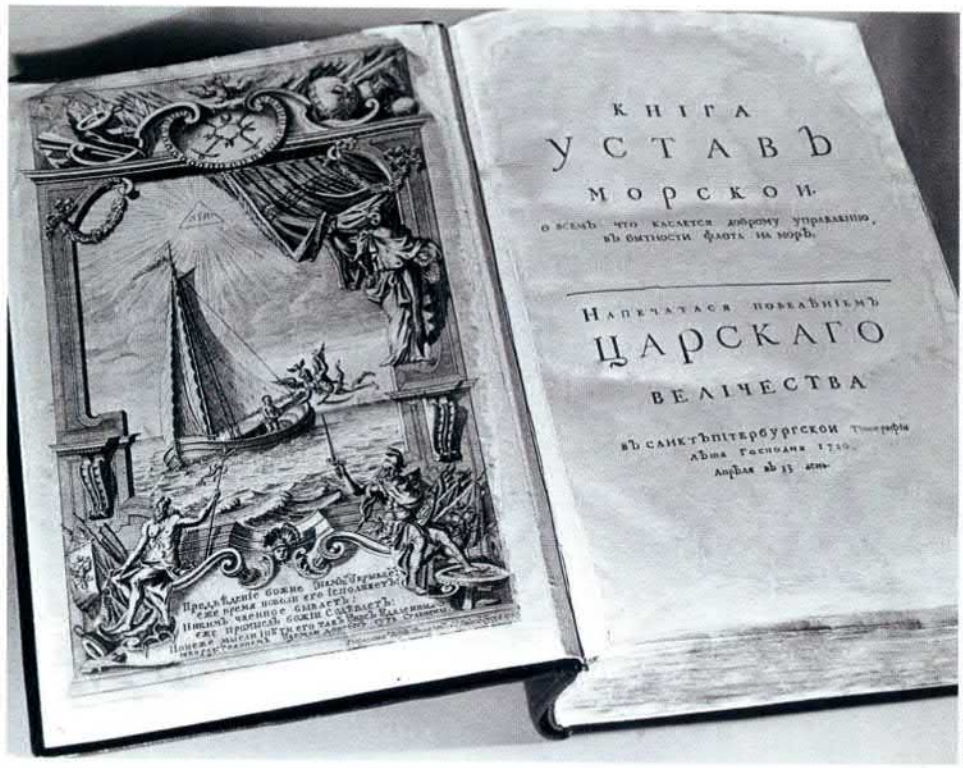
Адмиралтейская верфь в Санкт-Петербурге. Литография середины 1820-х годов

Море околдовало Петра. Он даже душевные раны готов был лечить им. 25 января 1694 года умерла Наталья Кирилловна. Сказать, что Петр глубоко переживал эту потерю, – значит ничего не сказать. Но переживал он по-своему и не боялся идти против традиции: не присутствовал при кончине и даже избежал похорон, предпочитая оставаться со своим горем один на один. А спустя четыре дня после смерти матери написал архангельскому воеводе, будущему генерал-адмиралу Федору Апраксину: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце». Здесь же и слова утешения – уже для себя: так угодно «всемогущему Богу... вся по воле своей творящу. Аминь».

Бежать «от безмерной печали» Петр собрался на море. Апраксину было приказано готовиться к его приезду: скорее строить «малый корабль» и... «полтораста шапок собачьих и столько же башмаков разных мер сделать». Царю уже ведомо, что Белое море сурово даже летом. Каким же оно должно быть зимой и весной?

За множеством забот Петру удалось выбраться в Архангельск только к середине мая 1694 года. Затевалось большое дело – спуск на Соломбальской верфи корабля «Апостол Павел» и продолжительное морское путешествие. Поскольку спуск задерживался, решено было пойти на яхте «Святой Петр» на Соловки. Однако едва вышли в Белое море – поднялся ветер. Шторм был такой, что не чаяли остаться в живых. На «Святом Петре» исповедовались и причастились. Но обошлось! Минуя гряду подводных камней, судно проскользнуло в Унскую губу.

Это избавление от смерти в море невольно заставляет задуматься об извилистом пути истории. Неважно, что спасло Петра – Промысел Божий, как считали современники, или мастерство кормщика, служителя Соловецкого монастыря Антипа Тимофеева, или, если угодно, простое везение. В данной постановке вопроса существенно



РИА НОВОСТИ

«Книга Устав морской», в подготовке которой участвовал Петр Великий. СПб., 1720 год

Наставник Петра в военном деле генерал Патрик Гордон как-то упрекнул его: «На что вам корабли, государь? Ведь у вас нет морей». И услышал в ответ: «Были бы корабли, а моря я найду!»

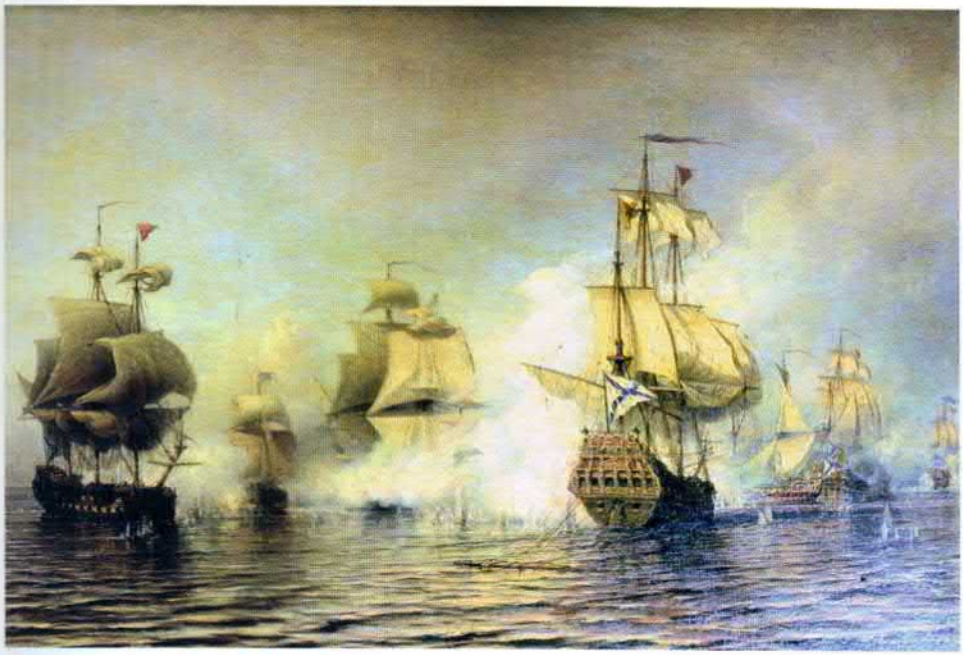
LEGION-MEDIA

Генерал Патрик Гордон (1635–1699)

другое: гибель «Святого Петра» сделала бы нашу историю совсем иной и в ней, возможно, не было бы ни Полтавы, ни Петербурга. Подобное трудно представить. Но ведь могло быть! Так что, когда Петр поставил на берегу Унской губы собственноручно вытесанный обетный крест, тот стал памятником не только царского спасения, но и нашей будущей, а тогда еще не состоявшейся истории.

«Были бы корабли!»

Бурный норов Белого моря не охладил петровской страсти. Напротив, она лишь упрочилась. Более того, его увлечения именно в этот период стали утрачивать партикулярный характер, превращаясь в дело общегосудар-



LEGION-MEDIA

Бой у острова Эзель 24 мая 1719 года. Худ. А.П. Боголюбов. 1866 год

ственное. Отметим еще раз, что Петр никогда не загорался тем, что, с его точки зрения, было бесполезно для России. Он всегда и во всем оставался государственником. Поиск государственной пользы был для него мотивом определяющим. Именно в Архангельске Петр окончательно пришел к убеждению, что флот не просто нужен – он жизненно необходим России.

Как здесь не вспомнить чеканную формулу Морского устава, в которой легко улавливается манера речи самого преобразователя: «Всякий потентат [правитель], который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет – обе руки имеет». Петровская формула кажется аксиоматичной. А между тем не приходится сомневаться, что даже в ближайшем окружении царя его планы оставались малопонятными. Не случайно наставник Петра в военном деле генерал Патрик Гордон как-то упрекнул его: «На что вам корабли, государь? Ведь у вас нет морей». И услышал в ответ: «Были бы корабли, а моря я найду!»

Европейски образованному шотландцу, возведенному Петром, между прочим, в адмиралы (адмиралы у нетерпеливого реформатора появились раньше настоящего флота), эти намерения казались пустой блажью. А ведь Гордон озвучил то, о чем остальные предпочитали молчать. Сковывал их не только страх перед скорым на расправу царем – ограниченность кругозора, неумение и нежелание заглядывать в будущее. Им непонятно было огорчение монарха, что «Россия токмо одну руку имела всегда».

Петровское увлечение морем – это еще и преодоление. Косности. Ограниченности. Лености. Непонимания того, что стало жизненно необходимо стране, продуваемой ветрами Нового времени. Петр видел в выходе к морям и создании флота будущность России. И что бы ни говорили впоследствии критики преобразователя, на его стороне была Историческая Правда.

Ответ критикам

Можно сказать, что строительство потешного флота и две поездки в Архангельск стали предисловием к обширному повествованию под названием «История российского флота». Далее последуют первые главы этой героической книги: воронежское кораблестроение, связанное со вторым Азовским взятием (царь свою службу Отечеству станет отсчитывать с Азовских походов); поездка Петра в ходе Великого посольства учиться на голландские и английские верфи; долгая и изнурительная балтийская эпопея с победоносными Гангутским, Эзельским и Гренгамским морскими сражениями.

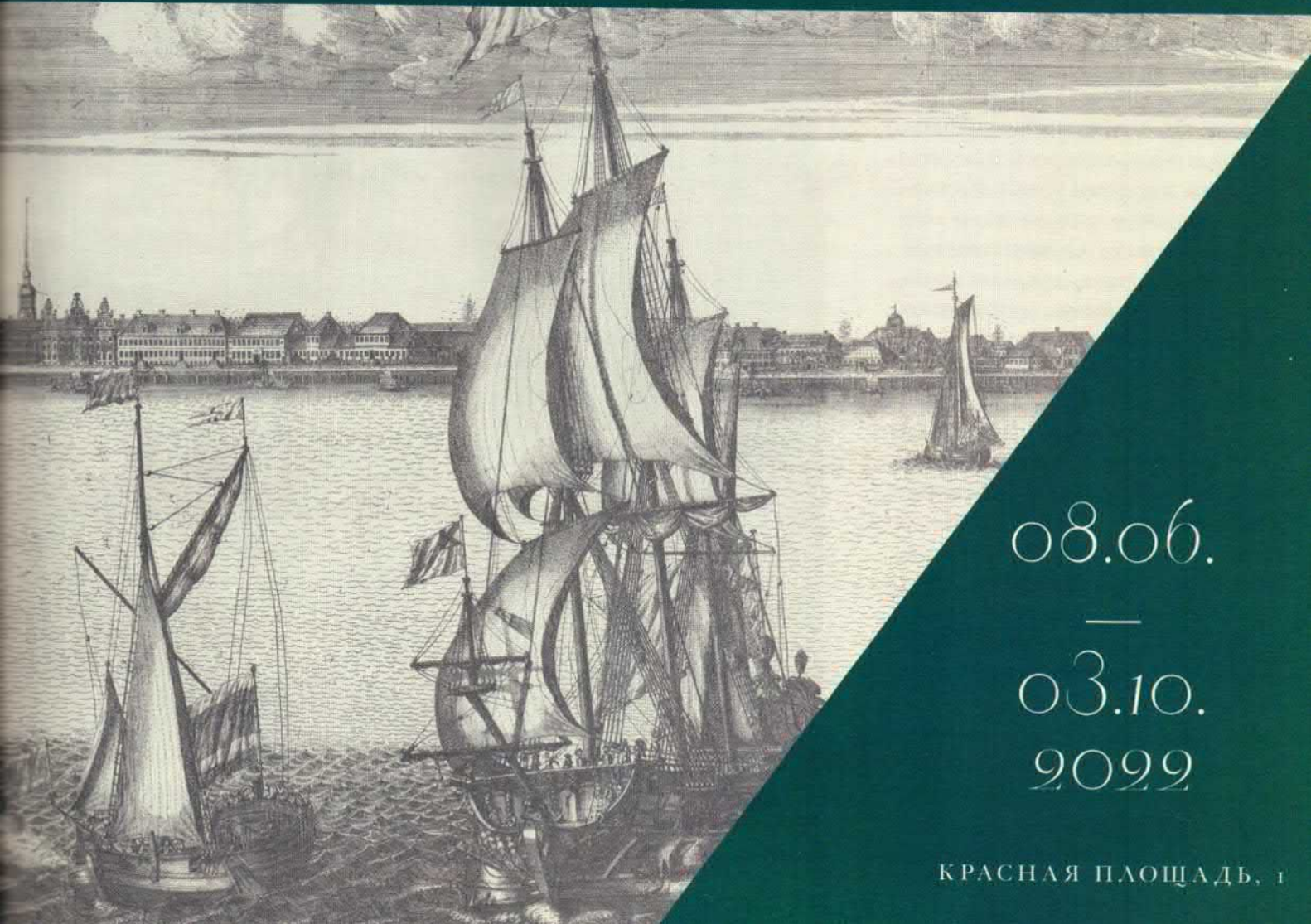
Не все в этих главах было безоблачно. Взыскательные критики царя-реформатора без устали перечисляют его ошибки и промахи. В конечном счете главный упрек сводится к тому, что огромные средства, потраченные на флот, оказались не соответствующими результату. Так, не давший ни одного сражения Азовский флот в 1711 году был сожжен, а порты на Азовском море оставлены (плата за неудачный Прутский поход).

Не лучше, по утверждению критиков, обстояли дела на Балтике. Качество спущенных судов было столь низким, что по большей части они приходили в негодность, не успев сделать даже выстрела в сторону шведов. В итоге через шесть лет после смерти Петра из 48 линейных кораблей и фрегатов в море смогли выйти только 8. До следующей войны с жаждавшей реванша Швецией из всех судов петровской постройки дожил лишь один 70-пушечный «Святой Александр». И то обошлось без его участия в сражениях.

Однако упрек в бездумном расточительстве не выдерживает строгой критики. И дело здесь даже не в частностях, призванных оправдать Петра, – типа нарушения технологий строительства из-за отсутствия времени (война!) или опресненности Финского залива, отчего суда гнили вдвое быстрее. Понятие эффективности тут вовсе не исчерпывается продолжительностью жизни кораблей или даже числом выигранных морских сражений. Петровская эффективность – это еще и коренные изменения в сфере политики, когда одно только наличие Азовского флота сдерживало воинственные устремления Оттоманской Порты, а Балтийского – внушало уважение Англии и побуждало искать мира Швецию. Несомненно, цена за флот была уплачена очень высокая. Но и результат был высок. Совсем по Пушкину: «Россия вошла в Европу, как спущенный со стапелей корабль, – при стуке топора и громе пушек».

ГИМ
150 ЛЕТ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ



08.06.
—
03.10.
2022

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 1

Необыкновенный человек

Обожатели Петра и его ненавистники сходились в одном – такого государя не было прежде ни на Руси, ни в других странах

Текст: **Иван ИЗМАЙЛОВ**

Необычность Петра начиналась с его облика – высокий рост (203 см) и незаурядная физическая сила: он легко мог согнуть подкову или завязать узлом кочергу. При этом имел узкие плечи, небольшие кисти и ступни, маленькую голову – такую фигуру называют диспластичной. Художник-немец Готфрид Кнеллер, который рисовал портрет Петра, так описал его внешность: «При его большом росте ноги показались мне очень тонкими, голова у него часто конвульсивно дергалась вправо». О свойственном ему нервном тике, признаке крайней возбудимости, упоминают и другие.

Современники отмечали, что Петр всегда ходил быстро, почти бегал, не заботясь, поспевают ли за ним спутники. Так же нетерпеливо слушал, то и дело перебивая собеседника. Отмечали и внезапные яркие вспышки гнева, во время которых царь полностью терял самообладание. Это объяснялось приступами хронической болезни – эпилепсии, скорее всего спровоцированной обстоятельствами жизни. В раннем детстве он пережил смерть отца, затем видел убийство своих родных и близких, растерзанных стрельцами, да и сам едва не стал жертвой заговора.

Памятник Петру I в Петропавловской крепости. Скульптор М.М. Шемякин

Вечный мальчишка

С семнадцати лет (а формально даже с девяти) на плечи Петра легла тяжесть царских обязанностей. Поневоле кажется, что он, рано расставшись с детством, остался вечным мальчишкой, с азартом игравшим то в морской бой, то в живых солдатиков.

В селе Преображенском, где Петр провел детские годы, было создано потешное войско, быстро разросшееся до двух полков с настоящими ружьями и пушками. Тогда же он отыскал в сарае Измайловского дворца старый английский ботик, на котором учился морскому делу. Учителями были жители Немецкой слободы, куда Петр чуть ли не каждый день убегал от докучных дворцовых церемоний. Там он не только с интересом наблюдал разные производственные процессы вроде изготовления бочек или ремонта часов, но и сам учился многим ремеслам, что никак не подобало русскому царю. Ему повезло: ни правительница Софья, занятая укреплением собственной власти, ни мать Наталья Кирилловна, озабоченная политическим выживанием своего клана, не обращали особого внимания на воспитание Петра, поручив его заботам дядьки Никиты Зотова.

По мере взросления к военным играм и техническим опытам добавились «забавы Вакха и Венеры», которым Петр так же охотно предавался до конца жизни. К «Ивашке Хмельницкому», как он называл алкоголь, его приучили в той же Немецкой слободе, где его любимым собутыльником стал «дебошан французской» Франц Лефорт. С годами выработался целый ритуал попоек, на которых сам Петр пьянел медленно благодаря физической крепости, но обожал спаивать других и глупо, по-мальчишески шутить над ними. Особенно охотно он издевался над родовитыми боярами. Князь Борис Куракин писал, что «людей толстых протаскивали сквозь стула, где невозможно статься, на многих платья дирали и оставляли нагишом». Князя Андрея Белосельского, который отказался участвовать в пьяных забавах, силой раздели и «голым его гузном били

LEGION-MEDIA

Большой маскарад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И.Ф. Ромодановского. Худ. В.И. Суриков. 1900 год

куриные яйца в лохани». Порой царские «шутки» кончались трагично: например, он приказал надуть дворянина Ивана Мясного мехами через задний проход, отчего тот скончался. Немец Фридрих Берхгольц сообщал, что однажды Петр, распоряжаясь балом, приказал старым боярам повторять за собой танцевальные па. «Старики путались, задыхались, кряхтели, у некоторых кружились головы, другими овладевали припадки одышки, некоторые и не выдерживали и повалились на пол, другие присели на корточки», – вспоминал он. Рассердившись, царь прервал бал и велел каждому из танцоров осушить по штрафному бокалу крепкого венгерского. Громадные порции спиртного, выпитые по его приказу, нередко приводили к смерти.

Около 1692 года Петр создал Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор, первая заповедь устава которого требовала от его членов каждый день напиваться допьяна. Собор пародировал церковную иерархию: возглавлял его «князь-папа», которым стал тот же Никита Зотов. Его участники во главе с самим царем отмечали православные праздники шумными оргиями и поездками по городу в повозках, запряженных свиньями или даже медведями. Во Всешутейший собор входили не только рядовые дворяне, известные лишь безудержным пьянством, но и знатные вельможи, которых записывали туда насильно. Все соборные «кардиналы», включая Петра, носили похабные клички, а их собрания кощунственно пересиначивали церковные обряды. Историки до сих пор спорят, чем был этот собор для молодого царя – игрой, подражавшей карнавалам в Немецкой слободе, или сознательной попыткой подорвать авторитет церкви и ее патриарха, которые всячески противились задуманным им реформам.

В любом случае эти вульгарные развлечения воспитали в Петре грубость и бесцеремонность, которые удивляли европейских аристократов. Курфюрстина София Ганноверская писала о нем: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большой живостью ума; ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобы в нем было поменьше грубости. Это государь очень хороший и вместе очень дурной». Во Франции Петр шокировал придворных тем, что при встрече с малолетним Людовиком XV в нарушение всех правил этикета подхватил

ребенка на руки и поднял по лестнице, гордо заявив при этом: «Всю Францию на себе несу!» Галантные французы не стали раздувать скандал, но многие мемуаристы, упоминая этот случай, называли царя «русским варваром».

Время, вперед!

В зарубежных поездках у Петра был весьма плотный график. Игнорируя придворные праздники, он посещал музеи, мануфактуры, лекции знаменитых ученых, нанимал на службу художников и скульпторов, включая знаменитого Бартоломео Карло Растрелли. Эта практика началась еще во время Великого посольства, куда царь отправился в обличье простого десятника (командира формирования из 10 человек), чтобы не связывать себя правилами этикета. Времени даром он не терял: в Голландии почти полгода проработал на судо-

Портрет Петра I. Худ. Г. Кнеллер. 1698 год

LEGION-MEDIA

Художник-немец Готфрид Кнеллер, который рисовал портрет Петра, так описал его внешность: «При его большом росте ноги показались мне очень тонкими, голова у него часто конвульсивно дергалась вправо»

верфи. За четыре месяца, проведенные в Англии, посетил парламент, монетный двор, анатомический театр, пушечный завод, Оксфордский университет и многое другое – в первую очередь его интересовали не памятники старины, а новейшие технологии и изобретения, которые можно было бы применить на родине.

Петр был одержим преобразованием России, не щадя ради него ни других, ни самого себя. Он работал как проклятый, не отдыхая ни дня и ежедневно подписывая в среднем по 30 документов, многие из которых сам и составлял. Спал он не больше пяти часов, вставал в три утра и, не тратя времени на умывание, в течение часа читал книги и свежие газеты. В четыре часа, выпив рюмку водки, отправлялся летом пешком, а зимой в санях в Адмиралтейство или на стройки Санкт-Петербурга. В шесть часов утра Петр уже был в Сенате, решая текущие дела империи. В одиннадцать устраивал легкий перекус (опять с водкой), во время которого принимал посетителей. Потом садился обедать с семьей и гостями, час-другой отдыхал, после чего проводил встречи с чиновниками и просителями. Вечером снова читал или работал на токарном станке, а после ужина просматривал свой ежедневный график, вычеркивая сделанное. Ложился он в десять часов, если не случалось питейных «ассамблей», которые иногда затягивались до утра. Впрочем, сам Петр редко оставался на них до конца, ведь утром его ждали новые дела.

С дубинкой в руке

Одной из частых причин гнева царя было то, что приближенные не успевали за его мыслями и планами, ленились и воровали, замедляя тем самым намеченные преобразования. Слушая отчеты сановников, он постоянно держал под рукой специальную дубинку, увесистые удары которой испытывали на себе даже такие верные его соратники, как Лефорт и Александр Меншиков. Не столь верных ждало более суровое наказание: многие чиновники, включая знатных вельмож, были казнены за коррупцию. Князя Матвея Гагарина, Рюриковича и сибирского губернатора, пытали и повесили в присутствии царя, по приказу которого тело не снимали с виселицы чуть ли не три года в назидание другим. Как известно, Петр не пожалел и собственного сына и наследника царевича Алексея, обвиненного в заговоре. Тот умер под пытками, не дожив до неизбежной казни. Изучая связи царевича с его матерью Евдокией Федоровной (Лопухиной), следователи обнаружили, что насильно постриженная в монахини бывшая царица завела в монастыре роман с майором Степаном Глебовым. Узнав об этом, царь приказал посадить Глебова на кол и при этом одеть его потеплее (дело было ранней весной), чтобы он подольше страдал. Прежде чем умереть, тот мучился 14 часов.

Жестокость царя тоже была какой-то мальчишеской: например, выучившись зубодерному ремеслу, он громадными клещами увлеченно выдергивал у придворных не только больные, но и здоровые зубы. В 1719 году Петр велел обезглавить свою любовницу-шотландку Марию Гамильтон – то ли за сплетни о его супруге Екатерине Алексеевне, то ли за убийство прижитого от кого-то (возможно, и самого царя) младенца. Француз Жан-Бенуа Шерер писал про эту казнь: «Когда топор сделал свое дело, царь возвратился, поднял упавшую в грязь окровавленную голову и спокойно начал читать

лекцию по анатомии, называя присутствовавшим все затронутые топором органы». Надо сказать, что приговор был относительно мягким: еще действовавшее в то время Соборное уложение предписывало закапывать женщину, убившую своего ребенка, по шею в землю «до смерти».

Порой кажется, что Петр наивно верил: восприняв западные моды и обычаи, русские тут же станут жить так же рационально и упорядоченно, как европейцы. Этой цели служили его многочисленные указы о бритье бород и внедрении европейского платья. Первый из них был принят в январе 1700 года, вскоре после празднования Нового года – тоже по западному образцу, с елками и фейерверками. Он предписывал всем боярам, дворянам и чиновникам носить «венгерские кафтаны, верхние – длиною по подвязку, а исподние – короче верхних». В декабре 1701 года вышел новый указ, заставлявший носить иностранную одежду уже «всех чинов служилых людей», а всего таких указов было семнадцать. Каждый документ дотошно регламентировал всевозможные правила ношения нового платья и его моды – от лент на шляпах до пряжек на башмаках.

LEGION-MEDIA

Портрет царевича Алексея Петровича.
Неизв. худ. XVIII век

Человек перемен

Петр отличался от своих «венценосных братьев», тогдашних правителей европейских государств, двумя главными качествами. Во-первых, масштабом замыслов и свершений – слишком громадны были его владения, слишком стремительно он хотел реформировать буквально все области российской жизни. Во-вторых, отсутствием традиции, политической школы, на которой он мог бы основывать свои действия. Планы и проекты преобразований Петр заимствовал с бору по сосенке из Пруссии, Швеции, Голландии. При этом, силой навязывая подданным полезные, как ему казалось, нововведения, он напоминал не просвещенного западного монарха, а восточного деспота. В этом смысле европейский камзол, который первый российский император усердно натягивал, оказался ему тесен...

Впрочем, ни раньше, ни позже своей эпохи такой правитель, как Петр I, в России был невозможен. Он стал царем потому, что страна требовала перемен, и только он мог совершить эти перемены. Не в течение жизни нескольких поколений, когда многие начинания заглохли бы и растворились в бесконечных русских пространствах, а за несколько лет, стремительно и жестоко. Его можно назвать «человеком перемен»: вся его государственная деятельность – это по большому счету одни сплошные перемены.

В этих устремлениях Петра поддерживали политические деятели Запада, считавшие, что преобразованная на европейский манер Россия станет для Европы не источником опасности, а рынком сбыта, поставщиком природных богатств и в конечном счете ареалом колонизации. Отчасти так и случилось: при Петре в нашу страну хлынули с Запада тысячи искателей удачи, помогавших – к немалой своей выгоде – перестроить ее на новых началах. Однако уже через пару поколений те из них, кто остался, стали не немцами, шведами или французами, а верноподданными российского императора. На это и надеялся Петр, приглашая иностранцев и одаряя их чинами и окладами, на которые они не могли рассчитывать на родине. Те, кто до сих пор упрекают его в слепом преклонении перед Западом, не видят скрытой цели этого «преклонения», не понимают, что всеми действиями царя управляли железная воля и стремление к процветанию государства. ■

©РГАДА ©РГАДА ©РГАДА

Петр I всегда интересовался аномалиями человеческой природы и их причинами.
Татарские мальчик и девочка с аномалиями рук и ног и сиамские близнецы. Рисунки. 1719 год

Петр Первый: за и против

Ставить точку в спорах о Петре еще рано, считает председатель редакционного совета альманаха «Тетради по консерватизму», доктор философских наук *Леонид ПОЛЯКОВ*

Беседовал **Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ**

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВА

В основе споров о царе-реформаторе лежит дискуссия об отношении не только к прошлому, но и к будущему, полагает профессор Поляков. Никого из русских монархов так не возвеличивали и с такой силой не ниспровергали, как основателя Российской империи. И это закономерно. Слишком сильно изменилась Россия в годы его правления – как внешне, так и внутренне. Другим стал идеологический вектор – роль церкви, армии, отношение к соседям, к миру и войне. «И очень скоро оказалось, что грандиозная фигура Петра Великого, его неуемный характер, его деяния, его противоречивое наследие требуют такого осмысления, которое невозможно без столкновения мнений, без полемики, которая началась еще при жизни преобразователя и длится до сих пор», – говорит Леонид Поляков.

Трагический победитель

– С чего начался этот спор? Настолько болезненной оказалась ускоренная европеизация для русского национального характера и самосознания?

– Возможно, это главный вопрос всей нашей истории последних веков. Петр I, безусловно, рубежная, пограничная фигура для России. Распалась прежде цельная традиция Московской Руси, в национальном самосознании – по мере осмысления событий – появилось два полюса, два противоположных философских и политических лагеря.

Однако Петр и сам в себе несет раздвоенность, он не столь однозначен

РИА НОВОСТИ

и прямолинеен, каким кажется на первый взгляд. Одной европеизацией смысл этого феномена не исчерпывается. Он и русский, предельно русский – и в то же время преданный «священным камням Европы». В нем было то, что Федор Достоевский гораздо позже назвал «всемирной отзывчивостью русского народа». Так и возникло это противоречие: Петр был сразу и православным царем и воином, и гражданином мира. И то и другое для него важно. К тому же он не только «сверхчеловек». Его личная история трагична, думаю, он не избежал и споров с самим собой. Может быть, этой внутренней драмой Петр и притягивает к себе уже несколько веков.

И еще очень важный ракурс проблемы. В «Медном всаднике» Александр Пушкин увидел антиномию: маленький человек и государство, которое олицетворяет Петр, а точнее, памятник великому императору. С того времени эта дилемма всегда присутствует в нашем сознании. Чем должен пожертвовать человек для державного величия? Или, наоборот, государство должно становиться человечнее? Драма неразрешима до сих пор, и это еще одна плоскость спора о Петре.

Третье, не менее важное противоречие Петровской эпохи – нигилизм по отношению к традиции, в котором совмещалась готовность все радикально разрушить, вырубить до основания все прошлое и в то же время, как считали некоторые, не поменять ничего по сути.

– Сплошные противоречия!

– Но при всем том реформатор был цельной личностью, и это тоже петровская загадка. Читая его указы (а многие из них он писал самостоятельно), поражаешься смачному русскому языку начала XVIII века и постоянному ощущению, что Петр имел дело с детьми малыми, которых нужно учить уму-разуму, разъясняя им все до тонкостей. Вот уж действительно, в прямом смысле – Отец Отечества, который относится к подданным как к детям неразумным.

Антихрист и демиург

– Когда в России стал слышен голос критиков Петра I?

– Это случилось не просто в годы правления Петра, но и еще, если воспользоваться формулой Пушкина, «в начале славных дней», во время Великого посольства, когда царь еще не совершил своих главных деяний. Петра уже критиковали как мало кого из его предшественников. Прежде всего в среде раскольников, староверов. К ним вовсе нельзя относиться как к некой «темной массе»: в раскол ушла не худшая часть Московской Руси, многие из староверов были людьми мыслящими, почти все – принципиальными. Их отношение к Петру определилось уже во время Великого посольства. Брадобритие они трактовали как «антихристову печать». Ходили слухи, что молодой царь в пост ест мясо и насильно женит православных на «латинянах». Даже его немецкие башмаки напоминали раскольникам сатанинские копыта. Эти воззрения разделяли и некоторые православные мыслители, не имевшие отношения к старообрядцам.

Известным проповедником таких идей был монах Самуил Выморков, но в той или иной версии легенда о царе-антихристе бытовала по всей стране. И одновременно с этими «подпольными» мнениями рождалась апологетика Петра, для крупнейшего выразителя которой архиепископа Феофана Прокоповича первый император был «виновником бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресившим аки от мертвых Россию». Эти концепции существовали параллельно. Для одних современников Петр погружал страну во тьму, с точки зрения других – просвещал. В этом драматизм петровской истории. После церковного раскола наступило время раскола идейного. И критика царя-реформатора не прекращалась никогда. Этот спор стал одним из определяющих для русского самосознания.

Одно из противоречий Петровской эпохи – нигилизм по отношению к традиции, в котором совмещалась готовность все радикально разрушить, вырубить до основания все прошлое и в то же время не поменять ничего по сути

– Можно ли считать XVIII век временем апологетики Петра?

– Она господствовала. В особенности в годы царствования Елизаветы Петровны и Екатерины Великой. И если при Елизавете культ ее отца раз-

вивался во многом стихийно, то для Екатерины это была продуманная политика. Здесь нужно обратить внимание на один очевидный, но удивительный факт. Послепетровский XVIII век стал для России временем женского правления – от Екатерины I до Екатерины II, за редким исключением. Этому феномену непросто найти аналог в европейской, а тем более в восточной истории, да и в России к женщинам у власти относились бы с опаской, если бы им не помог Петр I. Для укрепления легитимности в глазах подданных царственные дамы нуждались, если угодно, в мужской эмблеме, демиурге, а значит, в культе первого российского императора. Им помогали лучи Петра – основателя империи, царя-победителя.

– Настойчиво и высокопарно прославлял Петра в стихах и прозе Михайло Ломоносов…

– Его оды, с одной стороны, были частью придворного ритуала. Но думаю, что Петра он прославлял искренне. И это показательно, ведь Ломоносова трудно назвать протозападником. По убеждениям он ближе к почвенникам. Не любил первый русский академик и пренебрежительного отношения к допетровской эпохе. И все-таки почти боготворил реформатора. Вероятно, здесь можно говорить о глубинном родстве душ. Ломоносов – русский Леонардо да Винчи, проявивший себя и в поэзии, и в математике, и в изобразительном искусстве, и в химии. Увлечения Петра, как известно, были не менее разносторонни. Ломоносова восхищал универсализм русского гения, каковым он считал царя, бывшего и законодателем, и воином, и покровителем наук, и работником, и, судя по его указам, остроумным и мудрым человеком. Ученый и поэт, скорее всего, примерял образ Петра на самого себя. И хотя тот испытал сильное влияние немцев, в глазах Ломоносова он оставался настоящим русским царем, человеком действия. Неудивительно, что патриот-просветитель считал «универсального императора» образцом для императриц, которым персонально слагал оды.

LEGION-MEDIA

Императрица Екатерина II у М.В. Ломоносова. Худ. И.К. Федоров. 1884 год

Разоблачение культа

– Империя побеждала «под знаменами Петра» и его преемниц, но все ли наши просветители были едины в восхищении императором?

– Если приглядеться, в литературе XVIII века можно найти много неожиданного. Вот, например, «Записки» Екатерины Дашковой, вышедшие из-под ее пера в пору всеобщего преклонения перед Петром. Она довольно критично оценивала и самого императора, и его политику. Дашкова утверждала, что репутацию «творца России» ему создали необъективные иностранные писатели. В частности, ее, в отличие от многих, не восхищала петровская склонность к изучению ремесел, ручному труду, к тому, что называется «царь-работник».

– Не любила княгиня Дашкова «мореплавателей и плотников»…

– Она считала такой разброс в занятиях и увлечениях излишним и даже вредным для государя. Но главное в другом. По ее мнению, Петр своими революционными реформами, отрицавшими историческое прошлое нашего народа, нанес серьезную травму русскому самосознанию. Дашкова рассуждала так: «Если бы он умел оценить добрые качества наших предков, он не стал бы уничтожать оригинальность их характера иностранными обычаями, показавшимися ему несравненно выше наших». Можно предполагать, что даже в екатерининскую эпоху, когда культ Петра Великого оказался особенно силен, княгиня была не одинока в своем неприятии слишком широких петровских преобразований, слишком радикального отказа от традиций Московской Руси. И хотя это мнение было оппозиционным по отношению к официальному, именно с него началась традиция критики Петра в русской дворянской культуре, им же во многом созданной.

Негативные мнения накапливались постепенно. Можно вспомнить и историка Ивана Болтина, который, например, считал, что отправка русских юношей за границу для учебы не принесла ничего хорошего, только сделала

их порочнее и смешнее. И конечно, Михаила Щербатова, писавшего о пороках и самовластии Петра, о «нужных, но излишних переменах». Говоря о несколько более позднем периоде, в среде декабристов я бы отметил Александра Улыбышева, который полагал, что Отец Отечества обладал прежде всего подражательным талантом и государство создал эфемерное, нежизнеспособное. Правда, история скорее опровергает последний тезис.

История, разрубленная пополам

– В XIX веке о Петре I эмоционально спорили славянофилы и западники. Почему эта фигура снова оказалась ключевой в дискуссиях о России, о ее прошлом и будущем?

– Триггером спора стала публикация «Философических писем к г-же ***» Петра Чаадаева в журнале «Телескоп» осенью 1836 года. Многие восприняли эту публикацию как пасквиль на Россию. Между тем Чаадаев, скептически взглянувший на нашу историю, невольно запустил механизм формирования русского самосознания. Когда патриотически настроенные публицисты пытались его тезисы опровергнуть, чтобы реабилитировать Россию как самоценное государство с длинной историей и богатой культурой, они натыкались на Петра. Интеллектуалы, такие как братья Константин и Иван Аксаковы или Алексей Хомяков, несмотря на свой опыт общения с западной философией, начали искать что-то дома и обнаружили основы в православной вере и крестьянской общине. А что же Петр? Получалось, что он человек, который разрубил историю пополам, отбросив все прежнее.

Обаяние императора-победителя после этого открытия померкло. Конечно, не все выходило так однозначно, и тот же Хомяков, один из самых ярких славянофилов, называл преобразования Петра «очистительной грозой». У Федора Тютчева, поэта и мыслителя, близкого к славянофилам, есть строки, в которых он на первый взгляд возвеличивает реформатора: «Завоевал нам

©ЖУРНАЛ «КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ»

Нарком иностранных дел Георгий Чичерин в образе Петра I. Рисунок, посвященный дипломатическому признанию СССР западными странами. 1923 год

Просвещенье – не нас поработил ему». Однако это ответ не только и не столько противникам петровских реформ, сколько собственным сомнениям. Эта формула говорит о том, что проблема заимствования чужого в ущерб своему мучила и его. И Пушкин в том, что Петр «самодержавною рукой смело сеял просвещенье», видел не только победу, но и драму, и противоречия. Стало ясно, что первый российский император расколол общество, создал дворянство, которое отгородилось от народной массы до такой степени, что даже утратило русский язык, решительно отдавая предпочтение сначала языку немецкому, а потом французскому.

– Правда, это случилось после Петра…

– Да, поколением позже, но тенденцию заложил именно он. И, сравнивая допетровские порядки с имперскими, славянофилы в этом убеждались. К середине XIX века пришло понимание, что такое положение унизительно, трагично.

– А что же западники?

– Их роль в этом споре проще. Для большинства убежденных западников, таких как историк Тимофей Грановский, Петр оставался ориентиром, недостижимым для других российских императоров, – по решительности, по масштабам сделанного. Глубокое уважение к царю-победителю сохранялось и в армии, а особенно на флоте. После неудач Крымской войны о триумфах Петра вспоминали с острым ностальгическим чувством.

ХУДОЖНИК ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВ

Афиша фильма «Петр Первый», снятого по мотивам романа Алексея Толстого. Режиссер Владимир Петров. 1937 год

Первый большевик?

– А как относились к Петру I в зарождавшейся русской революционной среде?

– Если по традиции начинать с Александра Герцена, то я вспомнил бы такую его мысль. Он заметил, что Петр изолировал крестьянскую массу от разлагающего влияния западной буржуазной цивилизации. В такой ситуации, считал автор «Былого и дум», проще будет совершить социальный переворот в России, сделать шаг к коммунизму. Николай Чернышевский (а он стал кумиром для нескольких поколений русских революционеров) рассуждал гораздо прагматичнее. Он утверждал, что историческая роль Петра и его влияние на русскую жизнь сильно преувеличены. Да, император реформировал армию и – по шведскому образцу – чиновничество, но основ русской жизни глубоко не затронул. Для народовольцев и социалистов, которые внимательно читали Чернышевского, Петр был в первую очередь символом самодержавия, которое они хотели уничтожить.

– И апологетом того, что они пренебрежительно называли «солдатчиной».

– Да, акцент на развитии армии, военного флота и военной промышленности их, конечно, не устраивал. А Медный всадник возвышался на вершине этой пирамиды. В революционной среде стремились дезавуировать магию монаршего величия. Вступала в силу другая логика: историю должны вершить не цари, а народ или, как утверждал Дмитрий Писарев, мыслящий пролетариат. Петр в таком случае мешал.

– С другой стороны, Николай Бердяев назвал Петра «первым большевиком». Какие еще оценки давали царю-реформатору представители русской философской мысли начала XX века, многие из которых после 1917 года оказались в эмиграции?

– В эмиграции на новом уровне возродился давний спор XIX века, хотя четкое разделение на славянофилов и западников провести теперь было сложнее. Например, Георгий Федотов – отчасти западник – оценивал петровское наследие достаточно негативно, несмотря на то что называл царя-реформатора «явлением мощи и силы, русским в самом отрыве от русских традиций». В том числе он говорил о тяжелых последствиях петровской церковной реформы, которая надолго «исказила лицо православия».

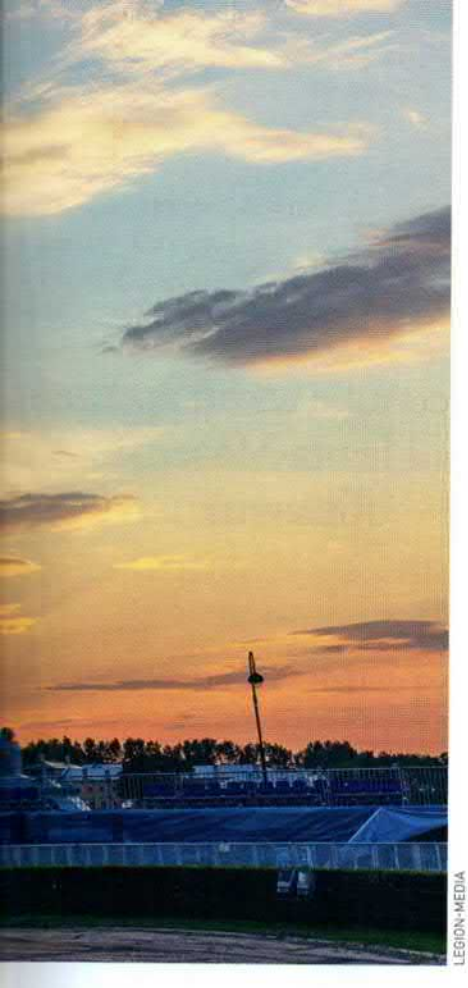
Что до Бердяева, то его взгляды на Петра стоят отдельного разговора. Сложная, двойственная позиция. Философ хорошо знал историю споров об императоре. Идея величия государства не сильно его увлекала, Бердяев – философ свободы. Причисление им Петра к большевикам тоже нельзя воспринимать однозначно. Не будем игнорировать, что Бердяев видел определенную правду и в марксизме, хотя и критиковал его. Для него важно, что и Петр, и большевики возникли не случайно и могли бы стать определенным этапом для создания более справедливого общества. Другие мыслители зарубежья видели в Петре суть русскости, олицетворение и воплощение надежды на прорыв, на рывок.

Петр, несмотря на императорский титул, стал одной из опорных фигур и для советского времени. Изображение Медного всадника по-прежнему оставалось одним из символов страны

Советский Петр

– Советское государство резко противопоставляло себя монархическому прошлому – и в то же время к Петру I отношение было скорее позитивное. Как объяснить этот парадокс?

– Важно, что эта тенденция просматривается еще до ренессанса русской исто-


LEGION-MEDIA

рии в СССР, который начался в конце 1930-х. Одним из первых это почувствовал писатель Алексей Толстой. Он понял, что советской системе пригодится образ царя-работника, «царя-революционера». Не абсолютно апологетический (так, нельзя было игнорировать, что мощь империи зиждилась на эксплуатации крепостных), но привлекательный. Постепенно Петра включили в иконостас великих русских людей, о нем выходили книги (в том числе детские) и фильмы, получившие самый широкий резонанс. Для многих он оставался демиургом, возможно, даже неким предшественником Владимира Ленина. Петр создал Российскую империю, Ленин – Советский Союз.

– И кажется, что сцены строительства Петербурга из романа Алексея Толстого «Петр Первый» и одноименного фильма напоминают производственные картины времен первых пятилеток.

– Возможно, аналогию видели и в этом – в так называемой мобилизационной экономике. И в особом внимании к армии, которое стало еще актуальнее в военные годы. И хотя Иосиф Сталин не назвал имя Петра среди национальных героев в своей знаменитой речи 7 ноября 1941 года, во время Великой Отечественной изображение императора стало появляться на открытках и плакатах, о нем выходили книги и брошюры, в которых, как правило, подчеркивались его полководческий талант и внимание к военной промышленности.

– «После Петра I России очень не везло на царей» – насколько эта фраза школьника из фильма «Доживем до понедельника» отражает отношение к Петру в советском обществе?

– Да, это очень важный момент и узнаваемая логика, вполне отражающая то время – конец 1960-х. «Проклятый царизм» – этой формулой несколько десятилетий руководствовалась и система образования, и – шире – идеология. А к Петру, его эпохе, реформам и сподвижникам относились иначе – главным образом в романтическом духе. Он, несмотря на императорский титул, стал одной из опорных фигур и для советского времени. Изображение памятника Петру – Медного всадника – по-прежнему оставалось одним из символов страны. Нерадивый ученик в фильме емко это выразил.

Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.
Реформатор.
Русские о Петре I.
Опыт аналитической антологии.
Иваново, 1994

Петр Великий:
pro et contra.
Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей.
Антология. СПб., 2003

Образец и предтеча

– Каким видится Петр из сегодняшнего дня?

– Этот разговор, на мой взгляд, стоит начать с первых постсоветских лет. В окружении Бориса Ельцина возникла идея актуализации Петра. Тогда попытались на символическом уровне уподобить то, что делалось в начале 1990-х, петровскому радикальному западному повороту (кстати, именно тогда Ленинград снова стал Петербургом). Вроде бы аналогия имелась: и Петр, и Ельцин «строили новую Россию». Но что-то не получалось, бросалась в глаза фальшь. Петр до самоотречения служил государству и остался в истории как победитель. У Ельцина сложилась иная, а может быть, даже прямо противоположная репутация.

– А в наше время Петр – все еще дискуссионная фигура? Он в большей степени разъединяет или объединяет?

– Острота спора ушла, притупилась, трансформировалась в историософскую дискуссию – очень важную, актуальную, но почти не выходящую за пределы профессионального сообщества. Сегодня Петр без проблем усваивается массовым патриотическим сознанием, он остается образцом государственного деятеля, неотъемлемой частью нашей исторической памяти. Его имя присваивают крейсерам, военным академиям. Высшей наградой в России снова стал орден Андрея Первозванного, учрежденный Петром.

Лично я безумно люблю Петербург. Это как живая история, которую рассказывают камни. Там, как нигде, ощущается подлинность великого русского культурно-политического наследия. А ведь это – творение Петра. Такое впечатление, что энергия императора воплотилась не только в укреплении государства и армии, но и в том, что он дал заряд для развития удивительной русской культуры, которую и ныне подпитывает Петербург. И это уже не раскалывает национальное самосознание, а скрепляет его. ■

Зачем Петр «Россию поднял на дыбы» и какой стала бы страна, если бы не он?
Читайте на сайте
ИСТОРИК.РФ

Царь и гетман

В ходе Северной войны Петр I столкнулся не только со шведской армией, но и с изменой бывшего друга – гетмана Украины Ивана Мазепы. Имя последнего стало нарицательным, а сам он – образчиком предательства и клятвопреступления

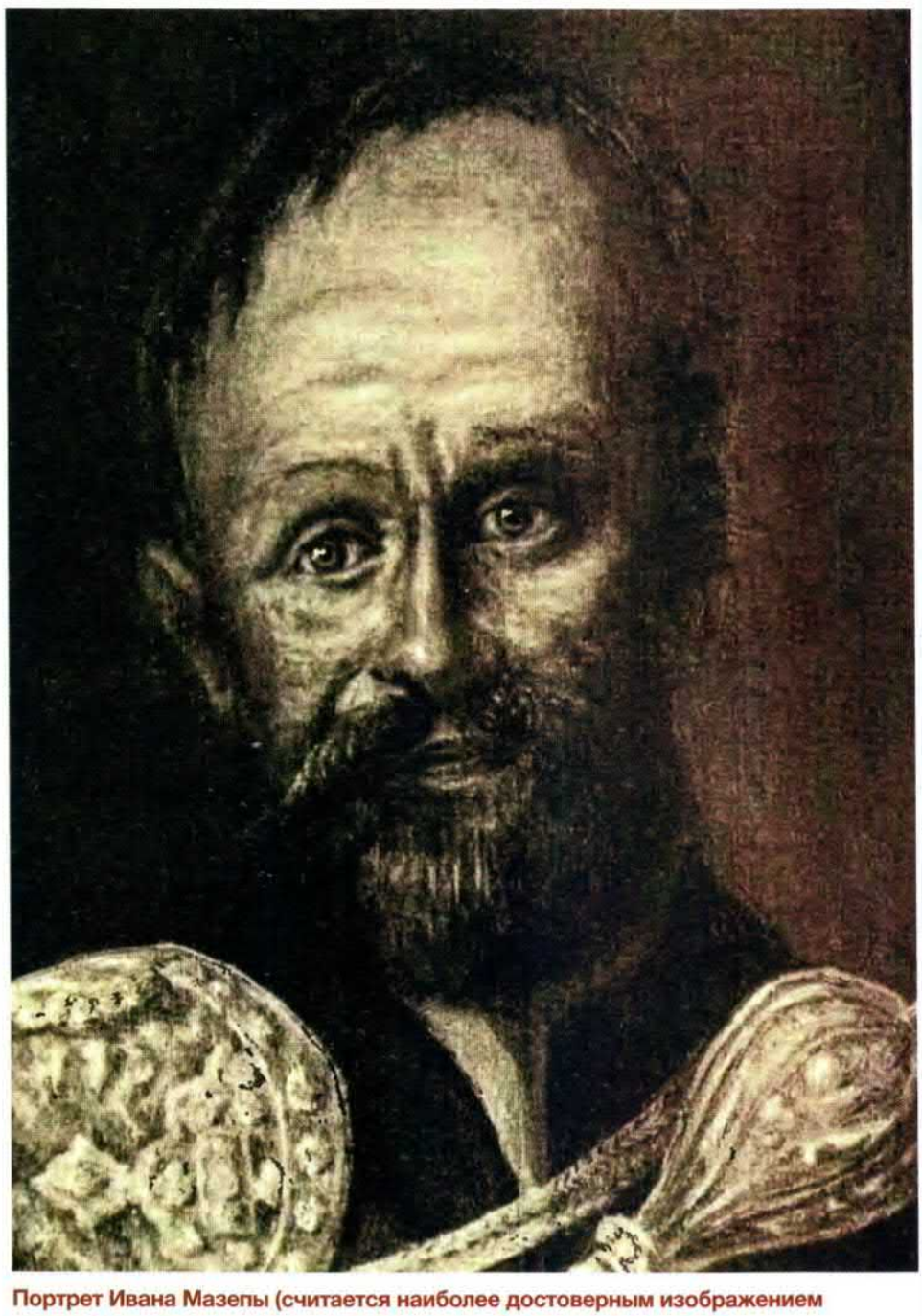
Текст: **Вадим ЭРЛИХМАН,** кандидат исторических наук

Петр с Мазепой подружились в Азовском походе 1696 года, где они ночевали в одном шатре. В 1700 году Мазепа стал вторым кавалером только что учрежденного ордена Андрея Первозванного – высшей награды России. Девять лет спустя Петр приказал отлить для него другой орден – в пять килограмм весом: на нем был изображен Иуда, повесившийся на осине. Царь хотел заставить гетмана постоянно носить эту «награду» на шее. Но месть не удалась: Мазепа успел бежать к своему союзнику Карлу XII.

В ноябре 1708 года по приказу разгневанного Петра уже бывшего гетмана предали анафеме – церковному проклятию. В городке Глухов, где это случилось, в тот же день за неимением самого Мазепы подвергли казни его соломенное чучело: «Все попирали оное ногами, и палач тащил чучелу на веревке по улицам и площадям городским до места казни, где и повесил». Анафема грозила изменнику адскими муками, но вряд ли это сильно пугало старого гетмана, который и так прожил бóльшую часть своей почти 70-летней жизни в аду интриг и подозрений.

Ученик иезуитов

Иван Мазепа родился в 1639 году в дворянской семье – за сто лет до этого польский король даровал его прадеду-казаку за храбрость в бою шляхетское звание и хутор, ставший



Портрет Ивана Мазепы (считается наиболее достоверным изображением гетмана), который хранился в замке князей Сангушко в Галиции. Фотография начала XX века

родовым селом Мазепинцы. Его отец Степан Мазепа-Колединский воевал вместе с Богданом Хмельницким за свободу Украины, но в дальнейшем с его преемником Иваном Выговским перебежал к полякам и получил от них почетную должность «подчашего», то есть виночерпия. Для казачьей верхушки – старши́ны – это было обычным делом. Да и сами гетманы вели себя так же: пообещав устами Хмельницкого «стояти заодно» с Россией, они не раз нарушали это обещание, когда другие соседи угрожали им войной или сулили всяческие выгоды. Гетманам и их приближенным было к чему стремиться – из простых командиров казачьего войска они давно превратились в богатейших владельцев земель, имений и даже городов.

Поначалу Иван Мазепа в этот круг не входил: его семья была уважаемой, но небогатой. Его мать Марина Мокиевская после смерти мужа постриглась в монахини и стала игуменьей монастыря в Киеве. Сам Степан Михайлович, ценивший образованность, отправил единственного сына в знаменитую Киево-Могилянскую академию, а потом, хоть они и были православными, – в иезуитский коллегиум в Варшаве, где Иван получил блестящее образование. Среди множества прочитанных им книг самым любимым сочинением стал «Государь» Никколо Макиавелли. Позже Мазепа объездил всю Европу, собрал богатейшую личную библиотеку и мог похвастаться знанием восьми языков – от латыни до татарского...

Польский король Ян Казимир включил Ивана по просьбе его отца в число «покоевых» шляхтичей, охранявших дворец. У юноши сразу не сложились отношения с коллегами-поляками, которые издевались над «еретиком» и «украинским холопом». Уже тогда Мазепа предпочитал бороться с врагами не оружием, а доносами: одного из обидчиков Яна Пассека он обвинил в краже дворцового имущества, что, правда, не подтвердилось. Встретив после этого Ивана, Пассек влепил ему пощечи-

Орден Иуды, изготовленный в единственном экземпляре для Ивана Мазепы. 1709 год

ну, тому пришлось обнажить шпагу... А поскольку во дворце это было строго запрещено, Мазепу прогнали со службы.

Он отправился в имение матери на Волыни, где с ним случилась новая неприятная история. По версии, которую изложил в мемуарах мстительный Пассек, юный красавчик завязал роман с женой местного помещика Фальбовского. Застигнув любовников врасплох, шляхтич будто бы велел привязать Мазепу голым к дикой лошади и пустить в степь. Этот случай вошел позже в «Историю Карла XII» Вольтера, который писал: «Лошадь

LEGION-MEDIA

Гетман Левобережной Украины Иван Самойлович

была с Украины и убежала туда, притащив с собой Мазепу, полумертвого от усталости и голода. Его приютили местные крестьяне; он долго жил среди них и отличился в нескольких набегах на татар».

На самом деле Мазепа в 1663 году присоединился к польскому войску, предпринявшему поход на Украину, но по дороге свернул в отцовское имение и жил там до смерти старого Степана. Став владельцем Мазепинец, он вскоре женился на полковничьей вдове Ганне Фридрикевич – немолодой и некрасивой, зато имевшей влиятельных родичей, благодаря которым Мазепа попал в круг правобережного гетмана Петра Дорошенко и стал генеральным писарем.

Но карьера его оборвалась довольно быстро: отправившись с гетманским письмом в Крым, он был схвачен запорожцами. Степные рыцари, знавшие о намерениях Дорошенко вступить в союз с турками, уже собирались рубить пленнику голову, но он вымолил у них пощаду. Даром убеждения Мазепа владел превосходно. Казаки привели его к гетману «русской» Левобережной Украины Ивану Самойловичу, которому он тут же выдал все важные секреты, чем заслужил полное доверие. Сперва бывший пленник стал воспитателем гетманских детей, а позже занял пост генерального есаула. Чуть не каждый год по поручению гетмана он приезжал в Москву, где правили тогда царевна Софья и ее фаворит Василий Голицын. Последнему Мазепа возил щедрые подарки, а когда тот провалил поход против Крымского ханства, предложил ему свалить всю вину на Самойловича. В итоге старого гетмана сослали в Сибирь, а пронырливый Иван Степанович Мазепа в 1687 году занял его место.

Любовь и кровь

Вскоре Софья и ее любимец были свергнуты молодым царем Петром, и Мазепа тут же поспешил в Москву с доносом на прежнего благодетеля. Он жаловался, что Голицын стребовал

LEGION-MEDIA

Под шатким бунчуком

После восстания Богдана Хмельницкого в 1648 году на берегах Днепра образовалась полунезависимая держава, носившая название Войска Запорожского, а также Гетманщины (слово «Украина», или «окраина», применялось к ней редко и только в географическом смысле). Ею управляли гетманы запорожских казаков, прежде служившие Речи Посполитой. После смерти Хмельницкого Гетманщина распалась на две части – Правобережную, вновь оказавшуюся под властью поляков, и Левобережную, где правили гетманы, приносившие присягу на верность русскому царю. Высшая административная, военная, судебная и финансовая власть в Гетманщине сосредотачивалась в руках гетмана и генеральной старши́ны. Гетманские владения охватывали примерно пятую часть нынешней Украины, а также соседние районы Белоруссии и России. Символами власти гетмана были булава и бунчук (древко с привязанным конским хвостом), столицами – небольшие городки Чигирин, Гадяч, Батурин, Глухов. Гетманам приходилось постоянно опасаться не только соседних держав, но и собственных подданных, часто поднимавших восстания. Когда позиции России в регионе укрепились, она урезала автономию Гетманщины, а в 1764 году эта территория вошла в состав империи, позднее образовав Черниговскую и Полтавскую губернии.

с него за избрание гетманом 11 тыс. рублей и трех турецких скакунов. Познакомившись с Петром, умудренный опытом Мазепа (он был старше царя на 33 года) стал его главным советником по украинским и польским делам. Заодно он давал государю – письменно и устно – наставления в вопросах политики в духе любимого им Макиавелли. После Азовских походов Петр, не знавший меры ни в дружбе, ни во вражде, осыпал Мазепу наградами: кроме ордена Андрея Первозванного тот получил украшенную алмазами шпагу и другие ценные подарки.

В 1704 году, когда польский король был низложен шведами, Мазепа занял Правобережье и стал первым после Хмельницкого гетманом «обеих сторон Днепра». Умножая не только власть, но и богатство, он оказался владельцем нескольких десятков деревень и сделался первым богачом Гетманщины. Рачительный гетман сумел наладить сбор податей и таможенных налогов, а заодно увеличил поборы с крестьян. Вырученные деньги он щедро тратил на строительство храмов: перестроил Киево-Печерскую лавру и Софийский собор в Киеве, возвел до 30 церквей в разных городах и селах. Выросли и новые корпуса Киево-Могилянской академии, а еще – трехэтажный каменный дворец Мазепы в окрестностях Батурина. С российской властью гетман доходами не делился: когда в Москве поднимался этот вопрос, он спешил туда с дорогими подарками. То же Мазепа делал, когда к царскому двору поступал очередной донос на него. В результате безоглядно доверявший ему Петр выдавал доносчика «головою» гетману, и тот по-тихому расправлялся с ним.

Эту идиллию нарушила, как ни странно, любовь, о которой повествует поэма Александра Пушкина «Полтава». В том же 1704 году овдовевший 65-летний Мазепа воспылал страстью к 16-летней Матрене, дочери своего давнего соратника Василия Кочубея, – Пушкин в своей поэме более поэтично назвал ее Марией. Девушка тоже не на шутку увлеклась пожилым ловеласом:

Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

Мазепа и в этом возрасте был хорош собой. Шведский историк Георг Нордберг несколько лет спустя описывал его так: «Мазепа среднего роста, худощавый, ему около 70 лет, глаза быстрые и ясные, сберегли жизненный огонь; носит усы на польский манер. Разговаривает рассудительно». Ему вторил французский дипломат Жан Балюз: «Иван Мазепа симпатичный, стройный. Взгляд у него суровый, глаза блестящие, руки тонкие и белые, как у женщины, хотя тело у него крепче, чем у немецкого рейтара, и наездник он отличный». Красноречием гетман также не уступал молодым и засыпал возлюбленную письмами: «Мое сердце, мой розовый цветочек! Сердце оттого болит, что недалеко от меня уезжаешь, а я не могу глаз твоих и личика беленького видеть. Через это письмецо кланяюсь и всю тебя целую любезно».

Мазепа был крестным отцом Матрены, что делало их брак невозможным, но он все-таки посватался к ней. Кочубей и его жена негодовали, об-

LEGION-MEDIA

Генеральный судья Войска Запорожского Василий Кочубей

Полтавская битва. Раскрашенная гравюра XIX века

виняя гетмана в том, что он околдовал их дочь. Юная Мотря и правда словно обезумела: «лаяла» близких, плакала, била посуду, а потом сбежала среди ночи к возлюбленному. Убоявшись скандала, тот скрепя сердце отослал ее обратно к родителям, которые вскоре выдали ее замуж. Ходили слухи, что невеста все же оказалась «порушенной», но деньги «богатого и славного» Кочубея могли заставить жениха закрыть глаза на этот недостаток.

Кочубей, занимавший должность генерального судьи Войска Запорожского, не простил позора и отправил в Петербург донос на гетмана, а следом и второй, обвиняя его в измене. Петр снова счел наветы ложными и поручил разбирать их приятелям Мазепы – канцлеру Гавриилу Головкину и его заму Петру Шафирову. Под влиянием щедрых подарков те обвинили Кочубея в клевете и выдали его гетману вместе с другим доносчиком – полтавским полковником Иваном Искрой. В ставке Мазепы их жестоко пытали (говорят, выясняя судьбу спрятанных Кочубеем сокровищ), а в июле 1708 года обезглавили.

Удар в спину

Кочубей и Искра не смогли доказать своих подозрений, но они были правы. Мазепа задумал измену еще в 1705 году. При посредничестве опытной интриганки Анны Дольской (тоже зачисленной молвой в его любовницы) и львовского иезуита Яна Зеленского гетман завязал переписку с поставленным шведами польским королем Станиславом Лещинским. Через него он приглашал короля Швеции Карла XII на Гетманщину, где его будто бы ждала всеобщая поддержка. После занятия этой области Мазепа предлагал превратить ее в «самостоятельное владение», подчиненное польскому королю, но во главе с ним как полновластным правителем. Есть версия, что пани Дольская хитро подогрела подозрительность Мазепы, внушив ему, что его давний недоброжелатель Александр Меншиков хочет сам стать гетманом, а его отправить в ссылку.

В 1706 году, ознаменовавшемся политическими неудачами России, Мазепа решил, что пора действовать. Он вовлек в заговор генерального писаря Филиппа Орлика, но и его убеждал, что «будет оставаться верен царскому величеству», пока не увидит, «с какой силой Станислав

Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.
Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г.
СПб., 2008

Ставицкий А.В.
Мифы Украины: Мазепа.
Севастополь, 2012

LEGION-MEDIA

Страшная месть

До сего дня гетман Иван Мазепа остается одним из трех – наряду с Григорием Отрепьевым и царевичем Алексеем Петровичем – наиболее известных лиц, преданных анафеме Русской православной церковью по политическим мотивам. До конца XIX века раз в год, в праздник Торжества Православия, этих троих проклинали во всех храмах России, упоминая по именам. Греческое слово «анафема» означает «отлучение», однако ее не следует путать с отлучением, которое запрещает подвергнутому ему человеку посещать церковь и принимать церковные таинства. Анафема лишает своих жертв любого общения с христианами, делая их изгоями. За многие столетия ей подвергались как отдельные лица, так и целые категории «врагов веры», например старообрядцы в 1667 году. В России, где церковь традиционно связана с государством, анафеме предавали не только вероотступников, но и врагов власти. Среди последних были Степан Разин (1671), Емельян Пугачев (1775) и даже Наполеон Бонапарт (1812). Последним анафеме в 1997 году был подвергнут раскольник Филарет (Денисенко), объявивший себя патриархом Украинской церкви. Вопреки легенде, Лев Толстой не был предан анафеме – Святейший синод лишь констатировал его «отпадение» от церкви.

к границам украинским придет». В сентябре следующего года Лещинский в письме Мазепе объявил, что шведский король готовится к походу на Украину. В ответном письме обрадованный гетман пообещал Карлу провиант для солдат, сено для коней, а заодно вооруженную поддержку в 50 тыс. человек – не только запорожцев, чей атаман Кость Гордиенко был вовлечен в заговор, но и донских казаков и даже воинов калмыцкого хана Аюки. Летом 1708-го шведская армия перешла Днепр. Вскоре Петр потребовал от гетмана присоединиться к русским войскам под Стародубом. Мазепа до последнего тянул, ссылаясь на старость и болезни, но в октябре узнал, что Меншиков решил лично проверить состояние его здоровья, и поспешно бежал к Карлу. Он приказал всем казакам уходить вместе с ним, но из двадцати тысяч послушались только две.

Мазепа повел шведов к своей хорошо укрепленной столице городу Батурину, где их ждали провизия, сено и большие запасы пороха. Но Петр действовал быстрее: по его приказу Меншиков с войском подступил к городу и взял его без особых хлопот (нашелся местный житель, показавший потайной ход в крепость). После короткого боя восьмитысячный гарнизон сердюков (гетманской гвардии) был целиком вырезан, а крепость сгорела вместе с укрывшимися там жителями. Не теряя времени, Меншиков двинулся на Запорожскую Сечь, которую тоже разорил, пустив вниз по Днепру плоты с повешенными казаками.

Приехав в ставку Карла, Мазепа быстро понял, что молодой шведский король не собирается выполнять обещания (тем более данные устно) и видит в Гетманщине лишь источник бесплатных ресурсов. С началом небывало суровой зимы шведы стали силой отбирать у населения провизию и сено для лошадей, что вызвало настоящую партизанскую войну. Королю пришлось штурмом брать украинские города, убивая всех сопротивляющихся. В результате число сторонников Мазепы непрерывно таяло: многие переходили к новому гетману Ивану Скоропадскому, назначенному русскими властями.

LEGION-MEDIA

Карл XII и Иван Мазепа после Полтавской битвы. Худ. Г. О. Седерстрём. 1879 год

В утешение Карл заключил весной 1709 года договор с бывшим гетманом о назначении его «законным князем Украины». Пока же сама Украина «временно» передавалась в полное распоряжение шведов. Впрочем, Карл не слишком доверял своему союзнику и даже не позволил его казакам участвовать в Полтавской битве. Вдруг ударят в спину?

Изменник или борец с царизмом?

По иронии судьбы именно Мазепа убедил Карла вступить в сражение под Полтавой, соврав, что к нему на помощь идут 30 тыс. калмыков. Во время битвы 27 июня 1709 года он находился в лагере, но с приближением русских сумел ускользнуть оттуда, избежав участи большинства своих соратников, которых ждали казнь или Сибирь. Отыскав отступающих шведов с их раненым королем, которого везли в карете, Мазепа проводил их к переправе через Днестр. 29 июня они с Карлом сумели перебраться на другой берег, едва спасшись от преследователей, и вскоре укрылись в Бендерах у турецкого паши. Хитрому гетману удалось прихватить с собой немало золота, на которое кормились и он со свитой, и Карл с уцелевшими шведами. Но их положение в корне различалось: Карл был королем, хоть и потерпевшим поражение, а Мазепа – беглым изменником, за голову которого Петр предлагал паше 300 тыс. золотых. За такую громадную сумму его вполне могли выдать, и Мазепа хорошо представлял, что сделает с ним разгневанный царь.

Тяготы бегства и боязнь за свою жизнь подорвали прежде крепкое здоровье бывшего гетмана. Он угасал в убогой мазанке на окраине Бендер в компании писаря Орлика и своего племянника Андрея Войнаровского (после его смерти эти двое еще долго продолжали плести заговоры против российской власти). 21 сентября, узнав от врача, что конец близок, Карл зашел к своему союзнику проститься, а после его ухода разразился страшный ливень, среди которого Мазепа и скончался. Суеверные казаки крестились, уверенные, что дьявол явился за душой грешника. Им было за что ругать Мазепу, который навлек на их родину двойное разорение – русское и шведское. В России предателя исправно проклинали в церквях, а сам Петр с ненавистью вспоминал о нем до конца жизни. При этом царь еще в 1710 году издал манифест, где под страхом казни запретил попрекать «малороссийский народ» изменой Мазепы.

Аверс банкноты номиналом 10 гривен с портретом Ивана Мазепы. 2011 год

Если Иван Мазепа и был патриотом чего-нибудь – то не Украины и не России, а лишь себя и своих интересов. Главной его целью было укрепление собственной власти

Впрочем, на протяжении веков находились и те, кто видел в Мазепе героя. Так, русские революционеры считали его борцом с царизмом, а Кондратий Рылеев посвятил ему одну из своих дум. В свою очередь, украинские националисты, упрекая Мазепу за нерешительность и интриганство, все же подняли его на щит как основателя (пусть и неудачливого) самостоятельной Украинской державы. После провозглашения независимости Украины портрет гетмана появился на ее банкнотах и марках, ему стали воздвигать памятники и переименовывать в его честь улицы и школы. Президент Виктор Ющенко потребовал от Русской православной церкви отменить анафему в адрес Мазепы. Однако в ответ ему напомнили, что гетман не был, как утверждалось, жертвой политической борьбы – он нарушил данную на Евангелии присягу на верность царю, а также позволил приведенным им шведам осквернять православные храмы.

Если Иван Мазепа и был патриотом чего-нибудь – то не Украины и не России, а лишь себя и своих интересов. Главной его целью было укрепление собственной власти – если удастся, как князя независимой Украинской державы, а если нет, то как наместника русской, польской или любой другой короны. Хитрый политик всю жизнь строил союзы и заключал сделки, но в итоге перехитрил самого себя, оказавшись ненужным не только прежним покровителям, но и собственному народу.

«Почтительно и с любовью»

О том, как Государственный Эрмитаж намерен отметить юбилей Петра, в чем уникальность первого российского императора, а также о своем отношении к нему «Историку» рассказал директор Эрмитажа, академик РАН *Михаил ПИОТРОВСКИЙ*

Беседовал **Владимир РУДАКОВ**

РИА НОВОСТИ

В известном смысле они коллеги. Ведь помимо того, что Петр был императором, военачальником, кораблестроителем, плотником, токарем и прочая, прочая, прочая, он имел самое непосредственное отношение к музейной деятельности. Именно он основал первый в России музей – знаменитую Кунсткамеру, куда свез со всего мира самые невероятные диковины – от сложнейших механизмов до заспиртованных уродцев.

Первый музейщик

– Вы согласны с тем, что Петр I, помимо всего прочего, еще и первый российский музейщик?

– Конечно. И дело даже не только в том, что он основал Кунсткамеру – первый в России публичный музей. Петр много занимался вопросами, как бы мы сейчас сказали, музейного маркетинга. Отсюда – всем известная легенда, что он для того, чтобы привлечь посетителей в созданную им Кунсткамеру, приказал всем входящим туда выдавать по стопке водки. Давали в действительности водку или нет – этого никто, по-моему, точно не знает. Но сама по себе эта история говорит о том, что Петр понимал: сначала нужно завлечь в музей, а уж потом брать за это деньги с посетителей.

Некоторое время назад мы открыли очень интересную петровскую выставку – это китайские вещи, которые царь и покупал, и получал в подарок. И кстати, часто приказывал их зарисовывать, что также выдает в нем прирожденного музейщика. Кроме того, он заказывал вещи для своей коллекции. То есть занимался музейным строительством. Петр I заложил традицию: он основал Кунсткамеру, самую лучшую в тогдашней Европе; вслед за ним Екатерина Великая создала частную коллекцию произведений искусства, самую лучшую на тот момент; потом Николай I превратил эту коллекцию в общественный музей, Эрмитаж – тоже самый лучший. И так далее. Но у истоков стоял Петр, безусловно...

– До Петра же никаких музеев у нас не было?

– Не было. Музей – чисто европейское изобретение. Оно родилось в Александрии, где возник Музеум, затем – в возрожденческой Италии, а в дальнейшем по всей Европе стали появляться кунсткамеры. Разного рода царские сокровищницы – это другое дело, это не в счет. Мы, музейные работники, ведем отсчет с Петра.

– Когда начала формироваться эрмитажная коллекция петровских предметов?

– Сразу после его смерти. Все началось с так называемой восковой персоны, которая была создана в те дни, – и сама идея ее создания свидетельствует о намерении современников сохранить память об этом великом человеке. Все понимали значение первого императора для страны, понимали, что надо запечатлеть, запомнить его образ, сберечь память. И дальше коллекция продолжала расширяться за счет подлинных вещей Петра. Огромную роль в этом сыграл Николай I: сохранение памяти об основателе империи было частью его общей идеологии формирования национальной исторической памяти.

Место памяти

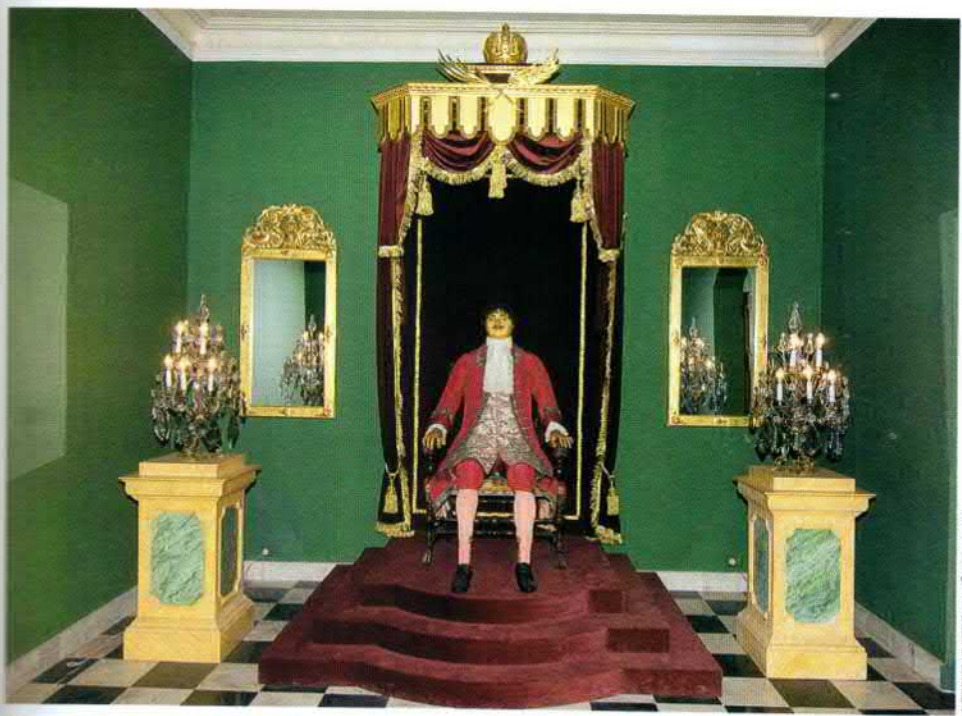
– Экспонаты, связанные с жизнью Петра Великого, всегда были представлены в Государственном Эрмитаже. Это одна из важнейших традиций и задач музея – сохранение памяти о нем…

– Да, так было всегда. Хотя сама Петровская галерея немножко путешествовала по залам Эрмитажа (например, сейчас на ее первоначальном месте находится Галерея портретов Романовых), она никогда не переставала быть важной частью нашего музейного пространства. В какой-то момент решено было делать новую экспозицию – после того как мы обрели Зимний дворец Петра I. Его ведь не было очень долгое время. Вернее, он существовал, погребенный под зданием Эрмитажного театра. И одним из великих результатов реставрации театра стали раскопки, в ходе которых был открыт петровский Зимний дворец – последний его дворец, в котором он и скончался. Эта находка сразу все поменяла, потому что туда переехала часть экспозиции Галереи Петра Великого – переехали его станки, восковая персона... Я вообще считаю, что Зимний дворец Петра сам по себе является отдельным экспонатом. Его обнаружение стало важным шагом к сохранению памяти о нем.

Кстати, сейчас мы обсуждаем вопрос о том, как все-таки обозначить место смерти первого императора.

БЛОГЕР ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА АНДРЕЙ СЕЛЕЗОВ

Сегодня на том месте, где умирал Петр, – небольшой закуток с внешней стороны Государственного Эрмитажа, рядом с Зимней канавкой, где часто паркуют автомобили



©ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Восковая персона Петра I

– В каком смысле?

– В самом прямом. Он ведь умер в своем Зимнем дворце, но та часть здания, где он умирал, была срезана архитектором Джакомо Кваренги, построившим в 1780-х годах на месте петровского дворца Эрмитажный театр. Поэтому сегодня на том месте, где умирал Петр, – небольшой закуток с внешней стороны Государственного Эрмитажа, рядом с Зимней канавкой, где часто паркуют автомобили. Мы давно думаем, как увековечить память об этом месте. Сделать это внутри здания или снаружи? Наверное, все-таки мы установим какой-то памятный знак на улице, еще подумаем, как это лучше сделать...

Плотник, токарь, император

– Что стало основой той петровской экспозиции, которую открыли в начале этого года?

– Это та же самая Галерея Петра Великого, но теперь она сформирована по-новому. В том числе потому, что часть вещей переехала в Зимний дворец Петра. Сейчас уже открыты че-

тыре зала. Планируется, что дальше эта экспозиция естественным образом будет переходить в залы, посвященные Елизавете Петровне. К концу года мы их тоже откроем. Это будет роскошное перетекание из Петровской эпохи и петровских реалий в елизаветинское время...

Ну и, конечно, поменялась концепция экспонирования. Прежде всего появились новые возможности витринные, и у нас сейчас в третьем зале главная вещь просто засверкала. Это паникадило, люстра, вырезанная из разных вариантов кости – слоновой, моржовой, панциря черепахи и т. д. Ее резал сам Петр с помощниками. В известном смысле это памятник ему самому – его трудолюбию, его любознательности, его стремлению все потрогать, все сделать своими руками. Мы реставрировали петровское паникадило, так что это еще и блестящий памятник реставрации. Нам удалось сделать витрину с хорошим светом, и люстра вся заиграла...

– Вы рассказали про паникадило, а ведь рядом лежат и навигационные инструменты, и зубоврачебные... Это уникальный случай для того времени, чтобы монарх имел столь разные интересы?

ПЕТР КОВАЛЕВ/ТАСС

Люстра (паникадило) на 27 свечей, изготовленная при участии Петра I. 1723–1726 годы

– Я считаю, уникальный. С одной стороны, он был великий человек, который обладал потрясающей способностью все схватывать на лету, сочетавшейся с удивительной тягой все узнать, все увидеть, все запомнить. Ему все было интересно, и при этом он все понимал и быстро осваивал. С другой стороны, безусловно, все это соотносилось с самой эпохой. Это было начало эпохи Просвещения, когда в Европе всем все было интересно, когда узнавать новое было очень модно, когда люди из высших кругов интересовались наукой и видели в ней какие-то новые возможности для саморазвития. В этом смысле Петр был не один такой. Но при этом он, конечно, был уникальный человек – настоящий самородок, который все это, включая модные веяния своей эпохи, впитывал.

Кстати, мы постарались показать два образа Петра. Это и любимый еще с советских времен образ царя-работника, много чего умевшего делать своими руками. В том числе царя-плотника: здесь у нас и его плотницкая одежда, и инструменты. А справа другой образ – это император, царь, который ориентировался на роскошь Людовика XIV и построил свой Версаль, который заказывал себе костюмы в Париже по лекалам – сами лекала ему привозили из столицы Франции. На самом деле его поездка в Париж – это не путешествие в Амстердам, где он учился одновременно и зубы рвать, и строить, и всяким наукам, а поездка за разными вещами, за роскошью. Костюмы, которые он там себе приобретал, во всех смыслах дорогого стоят. Он был в общем-то щеголь, его французский камзол по новейшей моде сделан. Впрочем, у этого камзола такой отложной воротник, который был удобен только ему. То есть Петр, несомненно, следовал моде, но даже и тут делал так, как хотел сам.

Во втором зале у нас прекрасные батальные картины его эпохи, впервые, кстати, отреставрированные к 350-летию со дня рождения императора. Это ведь начало нашей батальной живописи. Здесь же замечательный портрет Феофана Прокоповича в архиерейском облачении – такой большой, хороший портрет, глядя на который начинаешь задумываться о том, что это был за человек такой – Феофан Прокопович...

ПЕТР КОВАЛЕВ/ТАСС

В Галерее Петра Великого представлены портреты его сподвижников и мемориальные предметы, связанные с императором

– Он страшный на этом портрете!

– Очень страшный! Настоящий Торквемада, вы правы. Но этот портрет передает колорит эпохи, появля-

ются новые акценты: время-то было непростое...

Первый зал делает акцент на имперскости. Седло Карла XII. «Полтавская баталия» кисти Луи Каравака. И коль скоро мы заговорили о Северной войне, обращу ваше внимание на то, как интересно порою меняются ситуации и оценки. Лет двадцать пять назад мы придумали и провели блестящую выставку и у нас, и в Швеции – «Петр Первый и Карл XII». Идея состояла в том, что уже прошло время и можно обо всех этих историях говорить спокойно: это уже эпические герои, которые когда-то были врагами. Нам это особенно легко было, потому что все равно победили-то мы. Но и в Швеции эта идея была очень хорошо воспринята. Тогда был такой период в шведской историографии, когда они благословляли Бога за то, что русские их разбили при Полтаве. Ведь в итоге Швеция утратила всякие имперские амбиции и стала обыкновенной или, как принято говорить в таких случаях, нормальной процветающей страной. Тогда шведы даже сделали некий интерактив для детей: им была предоставлена возможность сыграть в Полтавскую битву и понять, был ли шанс у Карла выиграть. Получалось, что никакой возможности победить у него не было: как ни играй, все равно не удастся одолеть русских. Сейчас такой совместный проект со Швецией не прошел бы. Шведская историография уже много лет занимает националистическую и антироссийскую позицию, как будто Полтавская битва только-только завершилась...

– Петр превратил Россию в великую державу, в империю, возложив на нее достаточно серьезно и фактически навсегда «имперское бремя». Как вы к этому относитесь?

– Как к исторической судьбе. Потому что Россия не Швеция, у нашей страны нет никаких естественных границ, и поэтому она обречена быть чем-то вроде империи – больше, меньше, в какой-то степени, но империи. Петр это осознал. Без этого она бы распалась. Впрочем, при всем величии его фигуры, я все-таки, будучи воспитан по-марксистски как историк, думаю, что он действовал, подчиняясь некой логике исторического процесса.

Многополярность по-петровски

– Что еще в планах на этот год?

– Вообще у нас юбилейная программа большая, но, пожалуй, главным событием в конце года станет грандиозная выставка костюмов Петра. У нас в Старой Деревне есть новое хранилище костюмов, где созданы уникальные условия для показа царских нарядов. В Эрмитаже ведь огромная коллекция, причем мы очень много чего отреставрировали к юбилейному году. В том числе костюмы, которые считались руинированными, потерянными навсегда. Мы думали, что никогда их показывать не будем – это неприлично, невозможно – и ничего с ними сделать нельзя. Но оказалось, что можно при теперешних технологиях. И поэтому на выставке будет много костюмов, которые мы просто никогда не продемонстрировали бы в том виде, в каком они были. Так что это совершенно замечательная выставка, на которой будет представлено уже упомянутое нами сочетание простоты и шика, столь свойственное Петру. Там будут и очень странные костюмы – костюмы членов его Всепьянейшего собора, например.

©ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

Парадный костюм Петра I с лентой ордена Андрея Первозванного. 1724 год

– В основе выставки – костюмы самого Петра?

– Да, самого Петра. Сохранился громадный его гардероб. Кстати, костюмы царя-реформатора есть не только в Эрмитаже. Обычно все говорят про Елизавету Петровну: мол, у нее сотни платьев. Но от этих сотен платьев мало что осталось. А костюмов Петра очень много. Оцените сам момент: он умер, он уже почти святой, но поскольку в реальности церковные обычаи уже были немножко притуплены, то все это отразилось на посмертной судьбе вещей первого императора – началось собирание реликвий, связанных с ним.

Ну и недавно, как я уже сказал, мы открыли в Арапском зале выставку, посвященную Китаю. Она называется «Диковинный и дорогой Китай». Арапский зал – он тоже не просто так был выбран. Вспомните арапа Петра Великого, потомком которого был Александр Пушкин... На самом деле история с Абрамом Ганнибалом приобретает сейчас новые аспекты восприятия. На фоне того, что все в Европе и Америке каются в том, как они угнетали негров, петровская история предстает в совершенно ином свете. Такого почти не было в Европе. Примерно два

ПЕТР КОВАЛЕВ/ТАСС

Петр I – победитель шведов. Декоративная скульптура. Первая четверть XVIII века

Первый Зимний

С момента основания Санкт-Петербурга Петр I сменил там четыре адреса. Сначала он жил в бревенчатом домике возле Петропавловской крепости, потом – в чуть большем, но тоже деревянном доме на месте нынешнего Эрмитажного театра, а после свадьбы с Екатериной поселился в построенных здесь же каменных Свадебных палатах. Это скромное здание не могло конкурировать с растущими вокруг роскошными дворцами вельмож, и в 1716 году немец-архитектор Георг Маттарнови по приказу Петра начал строить рядом, возле Зимней канавки, новый царский дворец. Украшением двухэтажного здания, выходящего фасадом на Неву, стал герб, увенчанный короной. Залы и покои отделали красным мрамором и дубовыми панелями. Хотя в разгар строительства архитектор умер, дворец был завершен в 1720 году и назван Зимним – в отличие от Летнего дворца в Летнем саду. Правда, еще до переселения в него стало ясно, что он будет расширяться, и в 1723-м была построена новая дворцовая часть, где Петр и скончался. После этого дворец продолжал достраиваться, но с переездом двора в Москву был заброшен. При Елизавете Петровне там находились казармы Лейб-кампании, а в конце XVIII века на этом месте выстроили Эрмитажный театр.

LEGION-MEDIA

ПЕТР КОВАЛЕВ/ТАСС

Витрины Галереи Петра Великого с принадлежавшими императору инструментами рассказывают о его разносторонних интересах и увлечениях

года назад Исторический музей Амстердама делал выставку, как раз посвященную негритянским сюжетам, угнетению и всему прочему, и там все начиналось с портрета Ганнибала в роскошной одежде – не раба на плантациях или галерах, а ближайшего соратника русского царя. Поэтому Арапский зал.

Там будет серия небольших выставок – каждая по три месяца. Разные сюжеты. Та, что действует сейчас, – Китай. Потом будут «Дипломатические дары Петра» – это вся его дипломатия. Потом скульптура из его коллекции – это же потрясающе, ведь он очень активно скупал итальянскую скульптуру! И наконец, выставка книг, напечатанных в петровское время.

«Китайская» выставка замечательная, потому что, ну, во-первых, это очень актуально, а во-вторых, мы постоянно говорим, что Петр – это европейский выбор России, твердый и насильственно навязанный и оказавшийся правильным. Но при этом уже тогда был некий противовес и баланс с Востоком, и наша выставка показывает, какое количество изумительных китайских вещей присылали в подарок императору, она напоминает, сколько было посольств и сколько было заключено договоров, которые и сегодня важны и актуальны, сколько Петр сам покупал китайских вещей. Причем молодой Петр. У нас есть гравюра: зал во дворце Франца Лефорта, который весь увешан китайскими тканями. И кстати, первые русские знамена – из китайского шелка...

– Эдакая многополярность XVIII века?

– В известном смысле – как говорится, с поправкой на время и место. Мне кажется, Петр это всегда понимал. Со стороны он мог казаться низкопоклонствующим перед Западом, а на самом деле он все-таки что хотел, то и делал. Есть, к слову, потрясающая история с Венерой Таврической. Даже две истории, и обе – как раз про это качество Петра. Известно, что Венеру Таврическую купили для него в Риме, но папа запретил ее вывозить, потому что это древность, раритет. И есть байка о том, как Петр ее в итоге получил. Якобы через своих представителей папа предложил об-

менять Венеру на мощи святой Бригитты – католической святой, которая родом из Швеции. На эти мощи папский престол будто бы готов был обменять изваяние языческой богини. И хотя достать эти мощи Бригитты было невозможно, поскольку они находились на шведской территории, Венера все-таки каким-то образом оказалась в России. То есть русским как-то удалось обхитрить католиков.

Но есть и другая история, считающаяся более достоверной, согласно которой на самом деле велись переговоры о том, чтобы царь разрешил проповедникам-иезуитам проехать по своей земле в Китай. Петр согласился, и за это Венеру Таврическую ему и подарили. Очень похоже, что так и было. Но иезуиты в итоге в Китай не попали, потому что якобы китайский император закрыл им въезд в страну. При этом Венеру мы уже получили – Петр своего добился.

«Он останется ориентиром»

– Споры о Петре идут 300 лет. Для кого-то он построил город на костях, для кого-то – возвел великий город. Для кого-то он гений, для кого-то – тиран. Что лично вам импонирует в нем и что, наоборот, отталкивает?

– Петр построил наш город, и, вы абсолютно правы, это великий город. На мой взгляд, это было самым главным его творением, потому что строительство Санкт-Петербурга сыграло громадную роль в истории России. Поэтому уже только за одно создание города на Неве я к Петру отношусь очень хорошо – почтительно и с любовью. Что касается кровавого, жестокого правления... Но в России всегда так было. Не знаю, может быть, Екатерина II до Пугачева была более мирной, чем другие, но потом стала точно такой же. А насчет города на костях, то костей этих было положено не больше, чем при строительстве любого крупного города той эпохи.

Хотя, конечно, не скрою: я лично с ним общаться не хотел бы – ни в качестве директора музея, ни в любом другом качестве. Думаю, он был сложным в общении человеком. Но вообще-то и не так много исторических фигур, с которыми хотелось бы пообщаться. При этом Петр надолго остался ориентиром. На него все время ориентировались, ориентируются и будут ориентироваться. И Екатерина Великая, и Николай I, и даже в Советском Союзе он был единственным царем, которого почитали, а не обливали грязью. На него ориентируется и постсоветская Россия.

– Собственно, постсоветская Россия и начинается с переименования Ленинграда в Санкт-Петербург.

– Да, причем это было сделано тоже волевым усилием, по-петровски, потому что на самом деле никакого однозначного результата у референдума по переименованию города не было. Мнения разделились почти поровну, да и вообще референдум был не про это. Но решение приняли по-петровски: несмотря ни на что, Петербургу быть! И сейчас, когда мы строим новую Россию, мы опять смотрим на Петра, пытаясь понять, что с нами происходит.

Не скрою: я лично с Петром I общаться не хотел бы – ни в качестве директора музея, ни в любом другом качестве. Думаю, он был сложным в общении человеком

– Есть ли у вас любимый памятник Петру? Это Медный всадник или все-таки нет?

– Нет, не Медный всадник. Я как раз недавно снова проходил мимо него: он, конечно, замечательный, таких памятников больше нет. Но мне больше нравится наша восковая персона. А еще я очень люблю растреллиевский памятник около Михайловского замка. Мне он очень нравится – торжественный, имперский, передающий характер самого Петра. ■

LEGION-MEDIA

Памятник Петру I. Скульптор Бартоломео Карло Растрелли

Что стало причиной смерти Петра Великого, ушедшего из жизни всего в 52 года?
Читайте на сайте ИСТОРИК.РФ

Крах системы

В своих мемуарах ушедший из жизни в конце апреля этого года генерал советской внешней разведки Николай Леонов дал развернутую оценку причин распада СССР

Текст: Валерий ФЕДОРОВ, генеральный директор ВЦИОМ

НАТАЛЬЯ ЛЬВОВА

Этот путь, по мнению Леонова, начался задолго до 1991 года и был вызван не внешними, а прежде всего внутренними причинами. Таким образом, вопреки риску «профдеформации», заставляющей разведчика во всех бедах и неудачах своей родины усматривать происки внешнего врага, генерал-лейтенант Леонов в первую очередь обращает внимание на неэффективность самой системы власти в позднем СССР. Вероятно, причин тому несколько. Во-первых, имея возможность сравнивать жизнь «там» и «тут», можно было довольно быстро понять, что выбранный путь завел страну не туда. Во-вторых, в разведке Леонов занимался не только оперативной работой, но и аналитикой, в том числе долгое время руководил Аналитическим управлением сначала 1-го Главного управления (внешняя разведка), а затем и всего КГБ СССР. В-третьих, свою молодость автор связал с Латинской Америкой, «пылающим континентом», и имел возможность сравнивать революционный дух, мораль, пассионарность элит Кубы, Никарагуа и других стран с тем, что собой представляют элиты позднесоветские. В общем, перед нами – более чем критичный взгляд на вещи! Тем и ценен.

С советской партократией Леонов непосредственно столкнулся еще в 1960-х годах, работая переводчиком у Никиты Хрущева и Анастаса Микояна на встречах с Фиделем Кастро. И сразу почувствовал, что смотреть на наших вождей «было и горько, и смешно, настолько не вязался их реальный облик с внешним парадно-выходным образом». Но дальше стало только хуже: в лице Хрущева, считает разведчик, СССР «потерял последнего сколько-нибудь самобытного политического руководителя (Андропов не в счет)». Несмотря на все свои чудачества, «Хрущев был последним, кто сформулировал нашу национальную цель. Пусть она звучала наивно: "Догоним Америку по производству молока и мяса!", но все последующие администрации были просто незрячими. Ослепшая партия вела, не зная куда, слепой народ». Никто, кроме Хрущева, не посмел замахнуться на персональные машины, на государственные дачи вождей. Своей отставкой Хрущев, полагает Леонов, заплатил за Карибский кризис – «за то, что подверг смертельной опасности благополучное существование кремлевской олигархии своими "новациями"». Пришедшая ему на смену геронтократия не столько управляла страной, сколько обеспечивала себе спокойную жизнь, игнорируя реальные проблемы и угрозы.

К примеру, «хотя ЦК партии и считался "вдохновителем и организатором всех наших побед", разведку он явно ни на что не вдохновлял и не организовывал. Старая площадь давала только согласие на то, о чем мы просили или что предлагали. Отказы были весьма редки». Диагноз позднесоветской системе управления автор ставит такой: «Вся огромная страна на глазах расщеплялась на удельные владения – ведомства, и они имели только свои местнические интересы». Процесс расщепления единой государственной воли ускорился при Леониде Брежневе, особенно после его инфаркта в 1975-м. Вообще, тот год Леонов считает «кульминационной точкой развития Советского государства», после которой началась его агония. В этот период «Политбюро ЦК КПСС потеряло роль совещательного органа при единовластном вожде... При Брежневе оно превратилось в классический олигархический орган, каждый член которого все больше заботился о своих интересах. Даже персональный состав Политбюро свидетельствовал о деградации государства». Теперь там заседали те, кто тратил деньги, но не было тех, кто должен их зарабатывать. «Руководство поворачивалось спиной к экономике страны. Ее перепоручали секретарям ЦК, а те, в свою очередь, норовили ускользнуть». Прогрессирующая экономическая слабость резко ограничивала возможности страны проводить эффективную внешнюю политику.

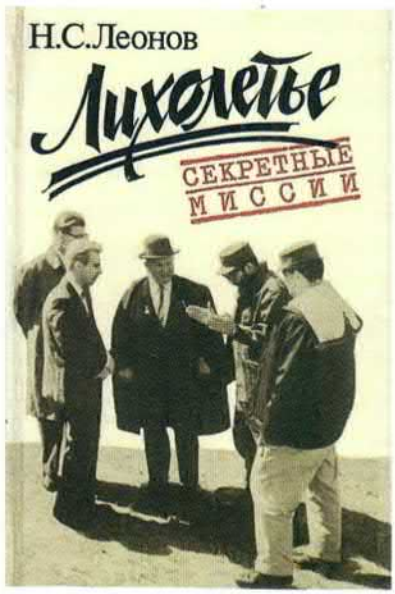
Другими факторами ослабления СССР стали некомпетентность и безволие брежневского Политбюро. Ска-

РИА НОВОСТИ

На трибуне Мавзолея Ленина (справа налево) генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, члены Политбюро ЦК КПСС Николай Тихонов и Константин Черненко. Москва, 1 мая 1982 года

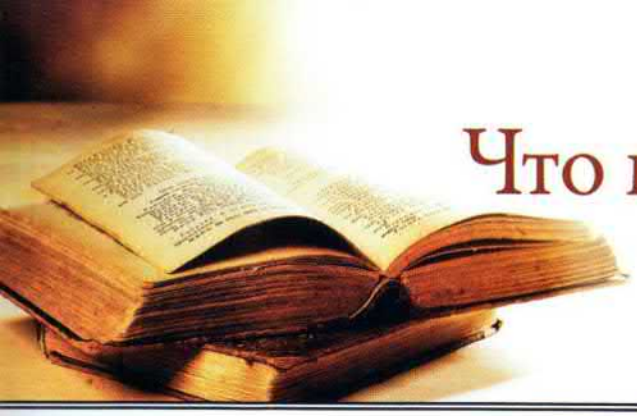
жем, «наша система информационного обслуживания советского руководства по вопросам внешней политики была безнадежно устаревшей». Объемы поступавшей ежедневно на доклад руководству внешнеполитической информации становились огромными, где-то не менее 300–400 страниц. «Не только переварить, но даже просто прочитать такой объем нашим геронтократам было явно не под силу... Дело кончилось тем, что телеграфную информацию перелопачивали помощники и они же нередко устно пересказывали ее содержание своим шефам. Все фильтрующие этапы, вплоть до помощников, были озабочены тем, чтобы на глаза шефов не попала тревожная, критическая информация». Стареющие вожди абстрагировались от реалий меняющегося мира, ставя целью просто ничего не трогать, пока все еще как-то держится. Поэтому и «никто в реальности не хотел внедрения современных информационных систем, ибо культура их использования связана с необходимостью введения в банки данных точных, проверенных, четко сформулированных сведений... Главное, что отбрасывало информационное обслуживание правительства назад, состояло в отсутствии реального интереса у тогдашнего руководства страны, предпочитавшего ограничиваться общими оценками».

> **1975 год стал кульминационной точкой развития Советского государства,** после которой началась его агония



Леонов Н.С.
Лихолетье. М., 1994

Не менее жесткие характеристики Леонов дает и другим важным элементам советской системы. Армию все носили на руках, «милости превосходили разумные нормы. СССР за годы своего существования наплодил больше маршалов, чем все страны мира за всю историю». При этом «высшее военное руководство активно участвовало в политических интригах». Да и сами генеральные секретари скрепляли «пакт военно-бюрократических сил». Так, ЦК и военные благожелательно относились к расширению фронта сотрудничества со странами третьего мира. Однако особого смысла в этом уже не было: «Возможности не соответствовали нашим амбициям. Активность носила какой-то автоматический, инерционный характер. Мы походили на армию, наступление которой выдохлось». Реальную цену этому пакту показала афганская авантюра, продемонстрировавшая и некомпетентность, и приписки, и очковтирательство со стороны военного руководства. Не лучше обстояли дела в науке: «Состояние нашей страноведческой академической науки безрадостно, и рассчитывать на ее помощь в наших аналитических разработках практически бесполезно». Сами результаты проводившихся исследований редко поступали руководству. Зато «руководители институтов активно втягивались в политиканскую возню, искали своих покровителей в высших сферах, участвовали в подготовке партийных и иных отчетных или программных документов, но действовали скорее как исполнители... Они были "перьями" в большей степени, чем "головами"». Имея таких противников, Соединенные Штаты упорно отстаивали в противоборстве с СССР свою мечту – «располагать всегда возможностью безнаказанно, безответно наносить военные удары по любым своим противникам в любой точке мира». Впрочем, с такими «друзьями», какие были у Советской страны, приходит к печальному выводу Леонов, и врагов не надо!



Что почитать и что увидеть в июне

Подготовила **Варвара РУДАКОВА**

Эрлихман В.В.

Леонид Красин. Красный лорд

М.: АФК «Система», Вече, 2022

Видные деятели большевистской партии, входившие в советский пантеон, после краха СССР были забыты или обвинены во всех грехах, и только сейчас к этим незаурядным людям возвращается внимание ученых. Один из самых ярких среди них – Леонид Красин, виртуозно игравший множество ролей. Он был талантливым инженером и опытным подпольщиком, светским львом и изготовителем бомб для нужд революции, одним из первых советских дипломатов и наркомом внешней торговли. Красин с его практичностью и широтой взглядов был тем из немногих большевиков, с кем готовы были вести переговоры лидеры западных стран, и сыграл большую роль в дипломатическом признании СССР. Став «своим среди чужих» на Западе, он, однако, сделался «чужим среди своих» в советском руководстве, что отразилось как на его карьере, так и на посмертной судьбе. Представляя Красина безупречным «солдатом партии», официозные историки умалчивали и о его разногласиях с Лениным, и о том, что после 1917 года он весьма критически относился к политике советского правительства и предпочитал проводить время за границей, куда вывез и свою семью.

Книга автора и редактора «Историка», кандидата исторических наук Вадима Эрлихмана впервые в отечественной историографии воссоздает полную и объективную биографию Красина от его рождения в далеком сибирском Кургане до кончины на посту полпреда СССР в Лондоне. Используя широкий круг источников, в том числе архивных, автор рисует портрет человека не только разносторонне одаренного, но и сумевшего в полной мере реализовать свои таланты в самых разных сферах. «Если многие его коллеги по революции, – пишет Эрлихман, – хотели прежде всего разрушить старое (а часто только это и умели), то он всегда стремился создавать новое».

Книга делится на четыре части, первая из которых – «Волонтер революции» – посвящена юности Красина, его учебе в Петербурге, участию в социал-демократическом движении, тюрьмам и ссылкам. Вторая часть – «Инженер революции» – описывает революционные события 1905–1908 годов, когда герой становится одним из лидеров большевистской партии, а третья – «Пенсионер революции» – период до 1917-го, когда он отходит от революции и играет видную роль в промышленной модернизации России. Наконец, четвертая часть – «Дипломат революции» – рассказывает о многогранной деятельности Красина в советском правительстве и на дипломатической работе. Особо подчеркивается его роль в преодолении последствий Гражданской войны и налаживании сотрудничества России со странами Запада.

Большое внимание в книге уделяется не только Красину-политику, но и Красину-человеку, каким его видели товарищи по партии, родные и друзья. В ней также рассказывается о родословной героя, о судьбе его родственников и потомков. Издание дополнено развернутой хроникой жизни Леонида Красина, библиографией и множеством иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

Ассортимент

Книги
Аудиокниги
Антиквариат
и предметы коллекционирования
Канцелярские и офисные товары
Подарки и сувениры
Товары для дома
Товары для праздника
Цветы

Услуги

Интернет-магазин www.bgshop.ru
Литературное кафе
Клубные дисконтные карты
Подарочные карты
Подарочная упаковка
Индивидуальное и корпоративное обслуживание
Предварительные заказы на книги

Доставка книг из-за рубежа
Книги с автографом
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Выставки-продажи
Организация и сопровождение
конференций, семинаров, круглых столов
Проведение мероприятий «под ключ»

Режим работы:
ПН.-ПТ 9.00-21.00
СБ.-ВС. 10.00-21.00
Без перерыва на обед

Москва, м. Лубянка, м.Китай-город
ул. Мясницкая, д.6/3, стр. 1
(495) 781-19-00,
www.biblio-globus.ru

Назови пароль "БИБЛИО-ГЛОБУС" - мой Главный книжный" и получи клубную карту

Вигилиус Эриксен – портретист императрицы. К 300-летию со дня рождения

Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 2

Экспозиция в Эрмитаже приурочена к 300-летию со дня рождения датского художника Вигилиуса Эриксена (1722–1782), долгое время работавшего в России и известного в основном благодаря портретам, которые он писал с императрицы Екатерины II. В рамках выставочного проекта показаны не только известные произведения мастера, но и менее знакомые широкой публике и специалистам портреты маслом и миниатюры из музеев России и Дании. Поскольку наследие Эриксена еще находится в процессе изучения и некоторые его творения атрибутированы недавно, на выставке представлены результаты технико-технологических исследований его эталонных вещей и сравнительные материалы.

---

16 мая – 12 сентября

Драгоценные ордена в собрании Исторического музея

Государственный исторический музей
Москва, Красная площадь, 1

Исторический музей представляет выставку, на которой впервые демонстрируются драгоценные ордена из собрания отдела нумизматики. Еще со времен появления первых светских орденов принадлежность к ним считалась высшей наградой, доступной лишь аристократии. Любой орденский знак, помимо обозначения заслуг кавалера, являлся предметом ювелирного искусства и выполнялся в мастерских строго индивидуально и по определенному стандарту. На выставке можно увидеть ордена Великобритании, Пруссии, Франции, Австро-Венгрии, Японии, Таиланда и других европейских и азиатских государств. Многие из них экспонируются впервые. Среди наиболее необычных предметов – парадные орденские цепи и миниатюрные копии орденов.

NOTA BENE!

Письма и бумаги императора Петра Великого. Том XIV. Вып. I: январь-июнь 1714 г.

М.: Древлехранилище, 2022

Работа по изданию рукописного наследия Петра Великого началась еще при Александре II – в 1872 году, сразу после торжеств, приуроченных к 200-летию со дня рождения первого императора. В результате кропотливой деятельности ученым удалось подготовить к печати первый том серии «Писем и бумаг императора Петра Великого», в который вошли документы за 1688–1701 годы. Всего до революции успели издать шесть томов. Первая часть седьмого тома вышла из печати в 1918-м, вторая – только в 1946-м. В послевоенный период работа над изданием не прекращалась: в 2003 году был опубликован второй выпуск 13-го тома с материалами за июнь-декабрь 1713 года. И вот теперь благодаря усилиям Российского государственного архива древних актов выходит в свет первый выпуск 14-го тома «Писем и бумаг императора Петра Великого». Издание включает документы за январь-июнь 1714 года. Это письма и указы Петра I, написанные или отредактированные самим государем, а также составленные от его лица. Значительная часть из 277 вошедших в сборник документов публикуется впервые. В примечания помещены письма корреспондентов царя и другие документы. Часть материалов посвящена зимней кампании 1714 года на территории Финляндии, ознаменовавшейся победой над шведской армией у деревни Лаппола, действиям русского флота на Балтийском море, мерам по снабжению армии и флота, покупке кораблей, найму моряков. Значительное количество документов выпуска освещают внешнюю политику России за этот период. Интерес представляют также документы о переориентации внешней торговли из Архангельского порта в Санкт-Петербург, о строительстве в Северной столице и ее заселении, об обеспечении города мастерами и строительными материалами.

Постникова А.А.

Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение

М.: РОССПЭН, 2022

Книга кандидата исторических наук Алены Постниковой посвящена истории формирования представлений французов о русской кампании 1812 года. На основе широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, автор попыталась выявить особенности восприятия событий современниками, участниками военных действий против России, а также определить траекторию последующей трансформации образов этих событий в представлении французского общества. Исследование осуществлено в русле традиций военно-исторической антропологии.

Тихомиров Б.Н.

Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади

М.: Лингвистика: Бослен, 2022

Книга доктора филологических наук Бориса Тихомирова представляет собой серию очерков, посвященных адресам на Невском проспекте в Петербурге, которые так или иначе связаны с биографией и/или творчеством Федора Достоевского. На Невском жили многие исторические лица, у которых бывал писатель. Он также выступал здесь на литературных вечерах в Благородном собрании, участвовал в спиритическом сеансе на квартире Александра Аксакова, слушал проповедь лорда Редстока, молился в Знаменской церкви, бывал с визитами в Зимнем и Аничковом дворцах. В книге с опорой на неопубликованные материалы архива Достоевского, печатные источники XIX века, иные исторические документы освещаются малоизвестные страницы его биографии.

Очерки русской культуры. Начало XX века

М.: РОССПЭН, 2022

Книга продолжает серию коллективных монографий «Очерки русской культуры», посвященных XIX веку (в 6 т. М., 1998–2005) и рубежу XIX–XX веков (т. 1–3. М., 2011, 2016). Настоящее издание исследует эпоху Первой мировой войны. Авторы предприняли попытку представить социокультурный срез жизни российского общества в военные годы во всей ее полноте и многообразии.

Сборник открывается разделом, рассматривающим повседневную жизнь российского общества в условиях военного времени. Статья доктора исторических наук Николая Цимбаева касается реконструкции действий императора Николая II и его окружения накануне и в годы войны. Доктор исторических наук Кирилл Соловьев анализирует развитие политической культуры военного времени, проделавшей сложный путь от «священного единения» власти с обществом к разрушительному и для тех, и для других периоду «штурма власти», окончившегося мощным революционным взрывом и фактическим проигрышем России в войне. В этом разделе также представлены очерки об отношениях церкви и общества в годы войны, проблемах развития в военных условиях высшей школы и среднего образования, о работе земских органов, повседневной жизни на фронте, в больших и малых городах, в сельской местности. Второй раздел книги посвящен общественно-художественной жизни и содержит очерки о деятельности творческой интеллигенции на фронте и в тылу, о жизни императорских театров, о литературном процессе, о настоящем кинематографическом буме, пришедшемся на годы Первой мировой, а также о массовой культуре военного времени.

21 апреля – 18 июля

Сохраняя историю. Реставрационным мастерским Русского музея 100 лет

Государственный Русский музей, корпус Бенуа
Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, 2

В апреле 2022 года исполнилось ровно 100 лет со дня организации в Русском музее первой реставрационной мастерской. Сейчас вопросами сохранения и восстановления экспонатов в музее занимается специальная Служба реставрации музейных ценностей, в ее состав входят 15 разных подразделений. На выставке демонстрируются только 330 самых интересных с реставрационной точки зрения экземпляров. Это произведения живописи, иконы и графические работы, предметы декоративно-прикладного и народного искусства и произведения скульптуры. Представленные экспонаты – лишь малая часть из десятков тысяч предметов, которые прошли реставрацию в Русском музее за минувшие 100 лет.

8 июня – 3 октября

Петр Великий: путешествия в Европу

Государственный исторический музей
Москва, Красная площадь, 1

В честь 350-летнего юбилея Петра Великого в Историческом музее открывается самая крупная экспозиция в Москве, посвященная личности и деятельности первого русского императора. В пространстве новой выставки будет собрано почти 350 экспонатов, связанных с двумя поездками Петра I в европейские страны – Великим посольством 1697–1698 годов и вторым путешествием 1716–1717 годов. О маршруте и деталях вояжей государя, его интересе к современным техническим и научным знаниям, а также международной ситуации в Европе конца XVII – начала XVIII века и дипломатических устремлениях царя-реформатора расскажут шесть разделов. Предметы, привезенные Петром из Европы, будут выставлены в «кабинете редкостей», воссозданном на основе гравированных изображений интерьеров научных кабинетов.

13 мая – 14 августа

Дуэль. От Божьего суда до благородного преступления

Музеи Московского Кремля

Москва, Кремль, выставочные залы Патриаршего дворца и Успенской звонницы

Дуэль зародилась задолго до поединков чести, хорошо известных благодаря русской классической литературе. В XVI–XVII столетиях под звуки скрещивающихся клинков и стоны умирающих складывались представления о важности защиты дворянской чести. Именно этому времени посвящена выставка в Музеях Кремля. Погрузиться в мир дуэлей помогут уникальные экспонаты, многие из которых представлены впервые и никогда прежде не встречались в одном выставочном пространстве. Посетители увидят более 140 памятников – редких рисунков, гравюр, картин, фехтовальных трактатов, доспехов и оружия того времени из отечественных музеев и библиотек. В мартовском номере журнала «Историк» было опубликовано интервью с куратором Василием Новоселовым. Экспозиция должна была открыться еще в начале весны, перенос открытия был связан с отказом зарубежных партнеров Музеев Кремля предоставить свои экспонаты в условиях развернутых против России санкций.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги: сборник документов

М.: РОССПЭН, 2022

Брестский мир превратил страну, входившую в блок победителей и понесшую значительные потери в Первой мировой войне, в заранее проигравшую сторону мирового военного конфликта, в результате чего ее территория стала объектом экспансии великих держав. Сборник документов затрагивает основные темы, связанные с заключением и имплементацией Брест-Литовского мирного договора: переговоры, внутрипартийную борьбу вокруг них, срыв переговоров и возобновление боевых действий, принятие германских условий мира, подписание и ратификацию мирного договора, отношения Советской России с центральными державами весной-осенью 1918 года и аннулирование Брестского договора после поражения Германии.

Пастухов А.М.

Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть

М.: Пятый Рим, 2022

В 1929 году Советский Союз впервые в истории молодого государства оказался на грани крупной войны с внешним противником. После захвата войсками диктатора Маньчжурии Чжан Сюэляна Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), находившейся в совместном владении Китайской Республики и СССР, по всему Советскому Союзу пронесся клич: «Дальневосточная, даешь отпор! Товарищ Блюхер, смелее в бой!» Развернулись яростные бои между советскими и китайскими войсками. Но кто победил в той короткой войне? Что привело Россию к самому берегу Тихого океана и заставило проложить железнодорожную магистраль по территории вероятного противника?

Белковец Л.П., Белковец С.В.

Советская дипломатия в борьбе за международное признание СССР. 1917–1935

М.: Проспект, 2022

В монографии рассматривается история становления советской дипломатии в борьбе за международное признание возникшего на руинах войн и революций Союза Советских Социалистических Республик, который пытался осуществить первый в истории «социалистический» эксперимент и провозгласил новые принципы своей внутренней и внешней политики. В центре внимания исследователей находится деятельность Народного комиссариата по иностранным делам, отвечавшего за налаживание отношений с капиталистическими странами, прошедшими путь от категорического непринятия Советской России к ее полному международному признанию.

Правильные ответы на тест от «Историка»: 1. На Плещеевом озере. 2. Восстание стрельцов. 3. Иван Мазепа. 4. Джорджия. 5. Иван Айвазовский. 6. Франция и Германия.

«Он был настоящим победителем»

Для каждого русского моряка Петр I – это прежде всего отец русского флота, а значит, в известном смысле – и каждого из нас

ФОТОГРАФ КЛИМ БЕРЕЗУЦКИЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «МУЖСКАЯ РАБОТА»

Игорь КАСАТОНОВ, адмирал, первый командующий Черноморским флотом новой России (1991–1992 гг.)

Отмечу, на мой взгляд, главное качество Петра: он точнее всех современников понимал стратегическое значение военного флота для страны. Ведь Петр принял Россию, не имевшую морских твердынь. И он не жалел сил, чтобы создать в нашей стране военно-морской флот, без которого не может существовать ни одна великая держава. Ему удалось преодолеть отставание от Европы и создать первоклассные военно-морские силы, умевшие побеждать в сражениях самых грозных противников России, уверенно стоять на страже границ империи. Строитель первых кораблей, создатель Морского устава – все это он. Именно поэтому на флоте имя и дела Петра I не забудут никогда. Ведь он напрямую причастен к славным традициям наших моряков – не только как стратег, но и как участник победных баталий. То, какую роль сыграл флот в последующей истории России, наверное, не нужно разъяснять. Речь идет о защите государственных интересов страны во все времена. Это значимо для всех поколений россиян (в том числе и для будущих), для всех наших граждан. В этом смысле все мы – наследники Петра.

Но Петр I – это не только Балтийский флот, доказавший свою боеспособность. Он предвидел, что России необходимо не просто присутствовать, но и защищать свои интересы и на Севере, и в Черном и Азовском морях, на Каспии, и на Дальнем Востоке. Он действовал во всех этих направлениях – посылал экспедиции, строил верфи. Петра отличало стремление изучать свою страну, а также глубокое понимание ее стратегических интересов, геополитических раскладов. Главные черты первого российского императора – это любовь к России, стремление укрепить и защитить государство. Не случайно наша страна именно в период его правления стала империей, а сам царь Петр – императором. Это не просто перемена титула – это закрепление нового статуса великой державы, который всегда нужно подтверждать – и в мирной жизни, и в военные времена.

По замыслу Петра Великого на флоте утвердился Андреевский флаг, который всегда был и остается самой главной святыней русских моряков. Так было и в советское время, когда он не имел официального статуса, но все равно по праву считался символом русского флота, его славной истории. Мы начинали службу под другим военно-морским флагом – он связан с подвигами героев Великой Отечественной войны и тоже никогда не будет забыт. Но возвращение Андреевского флага моряки восприняли с радостью, увидели в этом добрый знак. Мы знали, скольких великих побед добились наши предшественники под этим стягом, а на флоте к традициям относятся с особым уважением.

Отмечу и просветительскую линию Петра. Он находил и отличал способных людей, не считаясь с их происхождением. В результате ему удалось воспитать целую плеяду талантливых генералов, адмиралов, дипломатов, ученых. Он посылал русских мальчишек учиться в Европу и одновременно, думая о будущем, создавал учебные заведения в России. Вызывает уважение, что Петр не переоценивал свои силы. Будучи монархом, во многих сражениях он подчинялся вышестоящим генералам и адмиралам. Уважал дисциплину, умел учиться, лично участвовал в строительстве кораблей, начинал свою службу на флоте с нижних чинов, знал толк и в морской артиллерии, и в абордажных боях. Знал морскую науку не только по книгам и реляциям. Сам тянул лямку наравне с другими морскими офицерами. По характеру он был настоящим победителем. Мы на флоте очень ценим эти его качества.

От Петра Великого в наше время тянется прямая линия преемственности. Россия остается великой морской державой. Думаю, это один из ключевых факторов мощи государства Российского – и политической, и экономической, и военной. У нашего первого императора многому можно поучиться, и его уроки не пропадают даром. Укрепление флота, необходимое для современной России, – это достойное продолжение Петровых дел. ■

Российское военно историческое общество
история.рф

Агентство развития внутреннего туризма
дорогапобеды.рф

РОССИЯ МОЯ ИСТОРИЯ

Российское общество Знание

Министерство культуры Российской Федерации

Российский фонд культуры

РГУ

МГИК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

ИСТОРИЯ ДЛЯ БУДУЩЕГО

ОБРАЗ ПЕТРА

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

ВГТРК
ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

СПАС

РИА НОВОСТИ

ТАСС

RT

SPUTNIK

Российская Газета
RGRU

KP.RU

ИСТОРИК
Журнал об актуальном прошлом

Газета КУЛЬТУРА

Место проведения: Исторический парк «Россия – Моя история»

8 июня 2022 г.

Адрес:
г. Москва, пр-т Мира, д. 119, стр. 57

Почта:
obraz.petra@yandex.ru

Программа мероприятия

Сайт

Читайте в следующем номере журнала

ИСТОРИК

Журнал об актуальном прошлом

ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ

РАСПАД ОРДЫ

АРХИЕПИСКОП ВАССИАН РЫЛО

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО МОСКОВСКОЙ РУСИ

А также:

Ночь святого Варфоломея

Как Япония напала на Китай

Эстонский батальон СС

Журнал поступит в продажу в начале июля

Спрашивайте в киосках и книжных магазинах (полный список на сайте ИСТОРИК.РФ)

ПОДПИСКУ НА ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ ЖУРНАЛА МОЖНО ОФОРМИТЬ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ РОССИИ. ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС – 45045

Предыдущие номера журнала можно приобрести в «Книжной лавке историка», которая находится в здании Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) по адресу: Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15, и в книжном магазине «Библио-Глобус» по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1